

— АЛЕКСАНДР ЛЫСЁВ —

СУДЬБА РУССКОГО СОЛДАТА

Исторические приключения

Александр Лысёв

Судьба русского солдата

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лысёв А. В.

Судьба русского солдата / А. В. Лысёв — «Махров»,
2017 — (Исторические приключения)

ISBN 978-5-9955-0936-3

Почти семьдесят лет спустя после окончания боёв Великой Отечественной войны до сих пор остаются не преданными земле многие её солдаты. До сих пор велик список пропавших без вести. В наши дни поисковики-энтузиасты находят под Ленинградом останки бойца, защищавшего город от гитлеровских захватчиков. Профессиональный историк Алексей Златков, начав поиски на основе скупой информации из уцелевшего солдатского медальона, восстанавливает память о бойце, отдавшем свою жизнь за Родину. Артиллерист Фёдор Кровлев, участник Первой мировой и Гражданской войн, добровольно ушёл в 1941 году на фронт в составе частей народного ополчения. Узнав о его непростой судьбе, историк понимает, что в любые времена и при любых обстоятельствах в России есть люди, для которых самопожертвование, порядочность и долг перед Родиной составляют основу существования. Книга написана по реальной биографии советского солдата.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0936-3

© Лысёв А. В., 2017
© Махров, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Лысёв

Судьба русского солдата

Глава 1

Артиллерия работала по квадратам. Били всеми калибрами. Одиночный огонь, начавшийся совсем недавно как дежурный и беспокоящий, неожиданно превратился в шквальный огневой налёт. Гулкие удары рождались где-то далеко в глубине немецких позиций. Вспышек было практически не видно – стреляли с закрытых позиций. Зато почти сразу вслед за ударами воздух наполнял протяжный вой пролетающих в сторону залива раскалённых кусков металла. Спустя четверть часа грохотало, казалось, уже по всему плацдарму. Со свистом проходили над головой снаряды полевой артиллерии. Громовыми всполохами со стоном и рёвом прочерчивали низкую прибрежную облачность летнего утра тяжёлые «чемоданы» крупных калибров. Такого не случалось уже давно. Обстреливали и передний край, и цели в ближайшем тылу. Впрочем, тут весь тыл был ближайшим. Бегущий огневой вал на достаточно широком участке фронта, оставляя за собой череду разрывов, прокатился почти во всю глубину «Ораниенбаумского пятачка». И практически сразу пошёл обратно, снова к переднему краю. Моментально всё заволкло дымом и гарью. Не успевала оседать вывороченная земля с остатками скошенного кустарника и редких уцелевших до сих пор деревьев. И тут же сохранившиеся нетронутыми промежутки продолжали рвать и рвать всё новые и новые всполохи артогня.

Где-то вдалеке, за пару десятков километров севернее, в районе Ораниенбаумского порта прогремел чудовищной силы взрыв – по всей видимости, взлетела на воздух одна из барж с боеприпасами, пришедшая накануне из Кронштадта. И тут же совсем рядом накрыло вынесенные вперёд позиции нашего боевого охранения. Цепочка разрывов пробежала точно по траншее первой линии. Высоко подлетели брёвна наката – разметало какой-то блиндаж, кажется, ротного опорного пункта. По крайней мере, попадание было примерно туда, где он располагался.

Что-то чадно разгоралось у обороняющихся за ближайшим холмом. Отсюда, с нейтральной полосы, было не видно, во что попали, но судя по чёрному шлейфу, горели какие-то нефтепродукты. Дым заволакивал окрестности, заползая в низину, по которой проходила линия фронта. Когда порыв ветра на минуту отогнал в сторону серо-сизое облако, обнажив вдалеке передовые позиции противника, неожиданно прямо за ними сверкнули вспышки орудийных выстрелов. Это была новая батарея в данном районе. Значит, уходить с нейтралки пока никак нельзя – нужно точно засечь её местоположение. Да и куда сейчас назад подаваться – скорее всего, здесь целее будешь. Несмотря на молотившую неприятельскую артиллерию, планомерно превращавшую всю округу в лунный пейзаж, опытный глаз наблюдателя не терял ориентировки на местности. Вот выгоревший до ржавой желтизны остов подбитого танка, оставшегося здесь ещё с прошлой осени, вот приметная седловина между холмами за расположением немцев. А чуть левее огневая позиция этой новой батареи. Которая, однако, лупит беглым огнём, зараза. Нанести её координаты на карту прямо здесь, конечно, не получится – уж и вправду больно сильно жарят. Но ничего – никуда не денется. Он её засёк и запомнил.

Немецкие артиллеристы в очередной раз перенесли огонь в глубь плацдарма. А почти с самой вражеской передовой линии вдруг с визгом ударили миномёты. Пожалуй, так дело может дойти и до атаки. Ветер в очередной раз снёс дым теперь уже с наших позиций. В наполовину обвалившихся траншеях и ходах сообщения обозначилось едва заметное отсюда движение – наше пехотное прикрытие занимало свою первую линию. Судя по небольшому количеству иногда мелькавших за брустверами касок, занимать позицию начали пока что ещё небольшими силами. Миномёты стукнули и взвизгнули ещё раз. Несколько мин упало на нейтральной полосе. Будем надеяться, что случайные недолёты. Ещё залп – осколки просвистели в полуметре над выгоревшей травой. Он боком вжался в дно неглубокой воронки, в которой лежал. Приник щекой к сухой, пыльной земле, зарылся в неё половиной лица, зажмурил левый глаз и закусив зубами расстёгнутый ремешок сдвинутой вправо каски. И вдруг увидел над собой небо. Дым опять отнесло в сторону, и небо вдруг неожиданно оказалось синим-синим. Слушая, как ходила ходуном под ним земля, сам содрогаясь вместе с ней всем телом, он одним глазом с каким-то вдруг непонятно откуда взявшимся удивлением смотрел в это лазурное и где-то в невообразимой высоте совершенно чистое июньское небо второго военного лета 1942 года...

Наконец несколько раз рывкнули в ответ по сухопутному фронту немцев из района фортов наши тяжёлые орудия. Открыв беглый огонь по противнику, включилась в контрбатареиную борьбу немногочисленная полевая артиллерия плацдарма. Выждав с минуту и убедившись, что немецкие миномёты больше не стреляют, он перевернулся на живот, поправил каску и продолжил наблюдение. В голове промелькнула вроде бы не относящаяся к непосредственной боевой работе мысль – пусть сегодня проутюжили плацдарм, но зато меньше достанется городу. И действительно, ни в сторону Лигово – или как уже давно называли тамошний посёлок, Урицка, – ни дальше по Ленинграду немецкая дальнобойная артиллерия в тот день не стреляла. Отчего-то не последовала в тот день на Ораниенбаумском направлении после столь массовой огневой подготовки и наземная атака со стороны неприятеля...

Будильник сработал в пять утра. Алексей Златков по многолетней привычке проснулся моментально. Открыл глаза и тут же упёрся взглядом в два маленьких зелёных фонарика. Щурясь и слегка утапывая его лапами, на груди расположился огромный серо-полосатый кот по кличке Филимон. Кот слегка мурлыкал, убаюкивая и будто гипнотизируя хозяина. Подниматься в такую рань в его планы явно не входило.

– Подъём, Филя, – решительно проговорил Златков и аккуратно потянул за край пледа.

Кот немного посопровтивлялся, а затем, оценив проявленную к нему деликатность, мягко спрыгнул с дивана на пол. Потянулся на ламинате, искоса глянул через плечо на хозяина, всем

своим видом показывая, что решение проснуться было принято исключительно им самим. И тут же, отбросив все условности, припустил на кухню, высоко задрав хвост. Златков усмехнулся, встал и направился следом. Кот уже выдвинул миску на видное место и накручивал вокруг неё круги. Ещё раз привычно хмыкнув и сыпанув ему корма, Златков поставил чайник греться на плиту и отправился приводить в порядок себя. Умылся, посмотрелся в зеркало, пригладил на макушке коротко стриженные волосы. Провёл ладонью по щетине на подбородке, ещё раз взгляделся в зеркало – нормально, сегодня можно и не бриться. Тем более не на работу едет. Вернулся на кухню, выключил засвистевший чайник. Выглянул в окно: там была обычная питерская погода, которую невозможно предсказать не то что на час вперёд, но даже на пятнадцать минут. Даже летом, как сейчас. Дождя вчера вроде не обещали, но небо было наполовину затянуто огромной серо-свинцовой тучей. Через разрывы в которой, впрочем, проглядывали ярко-синие кусочки чистого неба. Ладно, к этому не привыкать.

Златков глянул на часы, быстро выпил кофе, залил ещё литровый термос с готовым напитком с собой в дорогу. Открыл шкаф, отодвинул висевшие на вешалках костюмы и рубашки, вытащил комплект бундесверовского камуфляжа. Быстро оделся, закинул в рюкзак термос и приготовленные с вечера бутерброды. Он уже шнуровал берцы, когда из приоткрытого туалета привычными громкими монотонными движениями зашкрябал лапой по пластмассе лотка кот.

– Молодец, Филя, – заглянул в уборную Златков. – Как всегда вовремя.

С чувством выполненного долга кот гордо прошествовал в комнату, запрыгнул на хозяйский диван и принялся не спеша на нём устраиваться. Златков убрал за котом, обулся и крикнул в комнату:

– Всё, остаёшься за главного!

Кот оторвался от процесса вылизывания, глянул на хозяина из-под задранной задней лапы и с достоинством утвердительно сощурил изумрудные глаза.

Златков подхватил рюкзак, закрыл входную дверь и сбежал по лестнице вниз. Он как раз открывал дверь парадной и выходил на улицу, когда во двор въезжала старенькая серая «Нива».

Вчера Алексей Златков допоздна засиделся в интернете – пересматривал материалы по Ораниенбаумскому плацдарму. Плацдарм возник в сентябре 1941 года после выхода немцев на побережье Финского залива в районе Стрельны и падения Нового Петергофа. Протяжённость – порядка шестидесяти километров по побережью от Копорской губы до Старого Петергофа. Глубина от Финского залива к югу – километров 20–25. Прижатыми к морю оказались соединения 8-й Советской армии, поначалу весьма значительные: измотанные в предыдущих оборонительных боях остатки семи стрелковых дивизий, две бригады морской пехоты, береговая артиллерия. В октябре 1941-го на участке от Стрельны до Петергофа было высажено несколько десантов с моря с целью деблокировать 8-ю армию. Все десанты были полностью уничтожены немцами. Попытки пробить сухопутный коридор также закончились провалом. В конце октября 1941-го советское командование приняло решение эвакуировать основные силы 8-й армии из Ораниенбаума. Шесть дивизий, значительная часть артиллерии и техники были морем переправлены в Ленинград и распределены по другим участкам фронта. Плацдарм, однако, своё существование продолжил. Оставшиеся на нём силы (стрелковая дивизия, две бригады морской пехоты и части береговой артиллерии) 2 ноября 1941 года были преобразованы в Приморскую оперативную группу Ленинградского фронта. Снабжался плацдарм морским путём. С этого момента бои на нём более двух лет носили позиционный характер. Приморская группа на протяжении этого времени сковывала несколько дивизий противника под Ленинградом из состава 18-й немецкой армии, активно вела контрбатареиную борьбу. Конечно, на плацдарм доставлялись подкрепления. Осенью 1943-го на плацдарм была переброшена 2-я ударная армия. В январе 1944-го она перешла в наступление, что способствовало

успешному завершению боёв по полному снятию блокады Ленинграда. Соответственно, на этом заканчивалась и история плацдарма, который переставал быть таковым. Это если совсем вкратце.

Всё это Златков со своим историческим образованием, разумеется, хорошо знал. И мог бы, пожалуй, ещё и от себя добавить интересных подробностей. Из переворошённой в Сети информации ярче всего отразилась пара фактов: во-первых, плацдарм был самой западной точкой, не занятой вермахтом во время Великой Отечественной войны. Он ещё раз открыл карту: действительно, населённый пункт Керново, самая западная точка плацдарма. Как-то не задумывался об этом раньше. Во-вторых, это мы называли сохранённую за собой часть побережья «плацдармом» или «пяточком». Немцы именовали её не иначе как «Ораниенбаумский котёл». В принципе, имели для того все основания – ведь изначально советские части оказались в нём вынужденно, будучи прижаты к побережью. Хотя классическим «котлом» это не было – сохранялась возможность морского сообщения. Как позже у немецкой группы армий «Север» в 1944–1945 годах в Курляндии. Кстати, в «Курляндский загон» угодили как раз части, осаждавшие Ленинград. Такие вот превратности судьбы. Впрочем, это уже другая история...

Но больше всего Златков засиделся не за фронтовыми картами и сводками, касавшимися мест и времени основных боевых столкновений на плацдарме. И даже не за номерами частей и подразделений, которые нужно было освежить в памяти по просьбе Рязанцева. Его внимание приковали выложенные в Сети фотографии. Простые фотографии, сделанные в 1941–1944 годах, на которых были изображены защитники плацдарма. Златков внимательно вглядывался в лица людей. У каждого из них была своя жизнь и общая, по большей части трагическая судьба. И о том, как всё сложилось для этих людей – для каждого конкретно, с его заботами, чаяниями, надеждами, просто привычками, словом, всем тем, что есть у каждого из нас сегодня здесь и сейчас, – мы так никогда ничего и не узнаем.

Он лёг спать поздно. И хотя спал совсем мало, видимо, под впечатлением от просмотренных сведений ему даже вроде что-то приснилось – точно про войну и будто бы про плацдарм. Какой-то артиллерийский обстрел над головой, что ли. Впрочем, всё было очень смазано и нечётко...

Тем не менее сейчас Алексей Златков вполне себе бодро шёл от своего дома к остановившейся серой «Ниве», за рулём которой сидел его старинный друг Олег Рязанцев. Тот, перегнувшись через сиденье, гостеприимно распахнул правую дверцу:

- Утро доброе, Лёха!
- Здорово, Олежек!
- Залезай, и погнали...

«Погнали» – это было, конечно, громко сказано. Златков закинул рюкзак позади себя, плюхнулся в продавленное кресло и от души (постоянная просьба самого хозяина автомобиля) хлопнул изрядно поеденной снизу ржавчиной дверью.

- Не закрыл, – не оборачиваясь, привычно бросил разворачивавший машину Олег.

Дверь гроыхнула вторично с удвоенной силой, Рязанцев, всё так же не отрываясь от дороги, удовлетворённо кивнул, «Нива», пофыркивая, вырулила на улицу и весьма бодро для города покатила в сторону Кольцевой автострады.

Рязанцев на ходу вытащил из-под сиденья пакет и протянул его Златкову:

- С днём рождения!
- Спасибо, – Алексей разглядел под полупрозрачным полиэтиленом коньячные звёздочки на коробке. Коробка булькнула.
- Только сорок лет не отмечают.
- Ну и положи обратно, – выпалил в ответ Олег, кивнув затылком на заднее сиденье. Они коротко переглянулись и дружно расхохотались.
- Вечером?

– Вечером.

Пакет тем не менее отправился пока что именно туда, куда указывал Рязанцев.

На Кольце свернули в сторону Кронштадта. Обогнали несколько одиноких фур. Когда Рязанцев выжал из машины сотку, вой поднялся такой, что, казалось, «Нива» сейчас пойдёт на взлёт. Чтобы слышать друг друга, нужно было кричать на весь салон. Он чуть сбавил скорость и обернулся к Алексею, шутливо приговаривая:

– Хорошо иметь день рождения летом. Можно на конфетах одноклассникам экономить. Ты всегда так и делал...

Златков сдержанно улыбался.

– Ну что, всё действительно так, как ты рассказываешь? – совсем без перехода другим, серьёзным тоном спросил Олег.

– Пожалуй, да. – Златков сразу понял, о чём вопрос, посмотрел на старого друга и перевёл взгляд в ветровое стекло.

– Лично между вами ничего не произошло и ты ни в чём не накосячил?

– Нет.

– И они уехали туда?

– Как обычно на лето.

– Выбрали времечко. Теперь тебе к ним даже не приехать.

– Да уж, проблематично будет.

– А она? Хотя, зная Янку... – Олег развёл руками, на секунду отпустив руль, и тут же ухватился за него снова. – Но может быть, что-то... или кто-то?

– Исключено, – категорично проговорил Златков.

И подвёл итог:

– Да, как по-идиотски бы это ни выглядело, я до сих пор не знаю, считать, что от меня ушла жена или нет.

– Н-да, ребята, вы даёте, конечно... – только и протянул в ответ Рязанцев. – Ну а Тоха?

– Сегодня уже прислал эсэмэску, поздравил, – расплылся в улыбке Златков, говоря о сыне совсем другим, довольным тоном.

– Ладно, всё наладится, не переживай...

Златков потянулся к магнитоле. Олег понимающе кивнул, прибавил громкость и поддал газу. «Нива» снова пошла на взлёт.

С Кольцевой они спустились на Гостилицкое шоссе. На небольшую просёлочную дорогу свернули в районе урочища Порожки. Им повезло – дождя не было уже несколько дней, а набегавшие сегодня с утра тучи рассеялись, открыв над головой чистое голубое небо. Впрочем, для здешних мест это ровным счётом ничего не значило. Вскоре Олег вырулил на совсем заброшенную лесную просеку, которая едва угадывалась в обрамлении нависавшей со всех сторон травы и редкого кустарника, росшего прямо между колеями и местами доходившего машине до самой крыши. Не обращая внимания на хлеставшие по бортам ветки, частично подминая их днищем, они медленно продвигались вперёд по колдобинам и ухабам, то выползая на холмистый гребень, то ныряя вниз так, что передний бампер скрёб высушенную солнцем глинистую почву. «Нива» медленно, но исправно тащила их на полном приводе по практически абсолютному бездорожью. Седоков мотало в салоне из стороны в сторону, а Рязанцев после каждого взятого подъёма поглаживал машину, как живую, по торпеде, ласково приговаривая:

– Ты моя хорошая, ты моя умница...

И, оборачиваясь к державшемуся растопыренными руками за ручку над головой и спинку водительского сиденья Златкову, добавлял:

– Это тебе не какой-нибудь паркетник, на котором только по трассе рассекать.

Алексей был полностью того же мнения и всякий раз кивал другу в знак согласия.

Они остановились на небольшой полянке перед холмом, поросшим редколесьем.

Место Рязанцев присмотрел заранее. Он бывал здесь уже неоднократно.

– Всё, дальше пешком, – объявил Олег. – Тут совсем рядом.

Они достали из багажника снаряжение и рюкзаки. Поисковой работой Рязанцев занимался уже давно – больше двадцати лет, с начала девяностых – ещё со студенческих времён. Уже долгое время он состоял в официально зарегистрированном поисковом отряде. Златков столь основательным поисковиком не был, но в подобных выездах принимал участие неоднократно, особенно по молодости. Сегодня, впрочем, как и обычно, инициатива вытащить его на подобное мероприятие принадлежала Олегу. Таким образом старый друг решил в том числе и отвлечь Алексея от его личных проблем, о которых они говорили накануне. Заночевать планировалось на полянке, где они оставили машину, а в город вернуться завтра утром. У Златкова лекции в институте уже закончились, принимать очередные экзамены летней сессии предстояло ещё через несколько дней, а у Рязанцева был такой же по времени промежуток между рабочими сменами.

– Твои на даче? – поинтересовался Златков, шагая по доходившей до колен сочной июньской траве.

– Да, – кивнул Олег. – Завтра к ним поеду.

– И как Иринка тебя терпит столько лет с твоими выездами, – усмехнулся Алексей.

– Не без проблем, – отозвался Рязанцев. – Но у человека должно быть увлечение.

И произнёс очень серьёзно, когда они уже вышли к до сих пор читавшейся на местности линии окопов, по которой проходил в этом районе во время войны передний край Ораниенбаумского плацдарма:

– Это нужное дело. – Рязанцев сделал обводящий местность жест рукой перед собой. – И ещё неизвестно, кому больше – нам или им.

Златков с полуслова понял, о ком речь, оглядел тянувшиеся в обе стороны остатки позиций, земля которых до сих пор хранила только здесь огромное количество нерассказанных историй человеческих судеб, и задумчиво кивнул в знак согласия...

Они практически без перерывов проработали до обеда. Солнце стояло в зените и палило нещадно. Сигнал от миноискателя был чрезвычайно слабый. За всё время попадались лишь гильзы и осколки. Откопали остатки противогАЗа с лопнувшими стёклами. Нашли шомпол от винтовки Мосина – почти в отличном состоянии, на глубине всего лишь нескольких сантиметров – видимо, земля сама выдавила наружу. Пока что самой серьёзной находкой была штопором скрученная пробитая алюминиевая ложка.

– Дай-ка, – протянул руку Рязанцев, несколько минут старательно чистил ложку, а потом внимательно рассматривал со всех сторон. Ни фамилии, ни инициалов на ложке не было.

Долго и тщательно походили над местами, откуда подняли шомпол, ложку и противогАЗ. Безрезультатно – больше ничего не было. Часа в два уселись пить кофе с бутербродами на краю большой осыпавшейся воронки, заросшей травой и мелким кустарником. Невдалеке от них в небольшом углублении, оставшемся, вероятно, также от разорвавшегося снаряда, росли сосны.

– Пойду посмотрю, – взялся за миноискатель Златков, направляясь к бугорку перед соснами, из которого торчало почти полностью засыпанное старое корневище.

– Это нейтралка, судя по всему, – опытным взглядом оценив расстояние между бывшими позициями противников, проговорил Олег.

Рязанцев закручивал крышку термоса и готовился собрать рюкзак, когда его окликнул Златков:

– Сигнал! И очень прилично звенит!

Всё бросив, Рязанцев тут же оказался рядом. Определив точное место, они вдвоём взялись за лопаты. Принялись аккуратно, слой за слоем вынимать грунт. Внимательно просматривали отвал, но пока что в нём ничего не было. Под верхним суглинком почти сразу попало несколько больших сухих корней и крупных сучьев – очевидно, когда-то вместо нынешних

сосен здесь также росла большая старая сосна. А потом пошёл песок с глиной. Через полчаса лопаты, гулко звякнув, уткнулись во что-то металлическое. Рязанцев ещё раз прошёлся над местом раскопок с миноискателем. Лицо его было серьёзно и сосредоточенно.

– Вот здесь, – очертил рукой круг Олег.

Златков тут же воткнул вешки из сосновых веток в указанные места. Шупом определили размеры и положение находившегося под землёй предмета. Аккуратно поработав ещё несколько минут лопатой, штык которой то и дело обо что-то негромко лязгал, Рязанцев взялся за смётку. Из-под земли показались бурые фрагменты металла. Сделав под ними небольшую лунку шупом, Рязанцев обхватил металлический предмет рукой. Легонько пошатал – земля подалась, осыпалась с двух сторон, и в руках у Олега оказалось нечто продолговатое, сплошь покрытое бурыми отложениями.

– Винтовка, – проговорил Златков.

Рязанцев внимательно осмотрел находку, выложенную на земляной отвал – проржавевший кусок ствола без мушки, сплошь залепленный плотной глиной казённый комком в районе затвора, деревянная труха от половины приклада со съехавшим на сторону проржавевшим затыльником и на удивление хорошо сохранившееся дерево в районе шейки. Прикинув размеры, Олег уточнил:

– Трёхлинейный карабин. Видимо, какое-то время торчал концом ствола и частью приклада наружу. Они успели сгнить.

Он постучал по уцелевшим остаткам приклада, попытался скovyрнуть глиняный комок посередине карабина, но тот не поддавался.

– А остальное без доступа воздуха очень хорошо сохранилось... Ладно, продолжаем.

Златков руками отгрёб ещё несколько пригоршней земли и вытащил наружу большую тёмно-коричневую кость. Так и замер с ней, подняв глаза на Рязанцева.

– Стоп! – моментально среагировал Олег. – Бойца подняли. Ничего пока не трогай. Давай смотреть, как всё лежало...

Дальше они продвигались практически по сантиметрам. Работали смётками, очищали, просеивали, выгребали землю буквально по щепоткам, даже сдували. И так слой за слоем над взятым с большим запасом местом, в котором по их предположению лежал павший. Они не ошиблись. Через несколько часов кропотливой работы они полностью освободили сверху от земли останки. Почва в этом месте хорошо их сохранила. Судя по положению костей, боец умер, лёжа на спине, закинув голову назад, подогнув ноги в коленях и прижимая обеими согнутыми в локтях руками к груди карабин. Не исключено, что был сначала ранен. По крайней мере, такое предположение напрашивалось из его позы. Впрочем, возможно, всё было совсем не так...

– Наш, похоже, – проговорил Рязанцев. – Ищем медальон.

Сначала осмотрели остатки тазовых костей. Как объяснял когда-то Златкову Рязанцев, чаще всего медальон – небольшой продолговатый пенал с запиской, содержащей личные данные военнослужащего, – носили в маленьком брючном кармашке. На счету Рязанцева было довольно много найденных медальонов. К сожалению, большинство из них оказывались повреждёнными. Случаи, когда удавалось прочитать записку или хотя бы её часть, чтобы потом, получив зацепку, установить личность погибшего, были единичными и считались большой удачей. Самое досадное, когда медальон оказывался цел и даже вложенная записка не пострадала – но данные оказывались незаполненными. Не секрет, что среди солдат на фронте бытовало поверье: заполнишь медальон – быть тебе убитым. Вся эта информация крутилась в голове Алексея, когда они продолжали вынимать и тщательно просеивать землю вокруг погибшего. Медальона не было.

Они ещё раз вдвоём тщательно пересмотрели предметы и то, что могло являться таковыми – словом, всё, поднятое из ямы. Подошвы от ботинок, закишая одношпёньковая

пряжка красноармейского ремня, несколько ржавых колец от какого-то снаряжения, истлевшие патронные подсумки с торчащими наружу тяжёлыми слипшимися комьями – неиспользованные снаряженные обоймы трёхлинейных патронов. Медальона не было.

– Наш, без сомнений, – уверенно констатировал Рязанцев и упорно повторил:

– Ищем медальон.

Повторно осмотрели костяк и всё вокруг него. В тех местах, где должны были быть нагрудные карманы, также ничего не оказалось. Ни остатков документов, ни личных вещей. И медальона не было...

День клонился к завершению, но было ещё вполне светло – стоял отголосок белых ночей. Долго просеивали землю. Ещё раз прошлись с миноискателем – ничего. Рязанцев сходил к машине и вернулся с большими полиэтиленовыми пакетами. Кивнув на останки в яме, сказал Златкову:

– Всё, давай поднимать.

Алексей знал, что будет дальше. Через некоторое время найденного бойца захоронят в районе ближайшего мемориала. Увы, как неопознанного. Досадно, что не удалось пролить свет на судьбу ещё одного защитника плацдарма. Что ж, хотя бы так...

Очень тщательно и бережно они собрали останки в пакеты. В очередной раз применили миноискатель и уловили-таки слабый сигнал. Осмотрели дно ямы, из которой они только что извлекли бойца. Там точно должно было быть что-то металлическое – звенело явно неспроста. Помахав лопатой ещё минут десять, Златков извлёк большую эмалированную кружку. Очередную находку прямо на месте тщательно протёрли ветошью. Если не считать сбитой в нескольких местах эмали, кружка выглядела как новая. Она была не военного образца – с противоположной от чёрной ручки стороны на белом фоне было изображено здание Адмиралтейства с корабликом на шпигеле и растянутой надписью под ним – «Ленинград». Под клеймом завода ЛМЗ значился год – 1940-й.

– Видимо, либо на поясе со спины висела, либо лежала в вещмешке, – сделал предположение Рязанцев. – Сидор, если был, ясное дело, сгнил без следа. Ну-ка, давай ещё пошарим...

Пошарили ещё и наткнулись на что-то плоское, умещавшееся на ладони одной руки. Златков поскрёб ногтем – сверху были расплывшиеся волокна то ли холстины, то ли какой-то тряпицы, а под ней нечто вроде как с закруглёнными краями. Алексей протянул находку Рязанцеву. Тот долго вертел её в руках, даже потряс легонько, поднес к уху – внутри что-то как-будто легонько звякнуло, а может, показалось. Одним словом, слипшийся комок из земли неопределённых очертаний никак не хотел идентифицироваться на месте.

– Так не понять, что это, – проговорил наконец Олег. – Могу предположить, что это портсигар. Причём не металлический, а пластмассовый. И маленький очень. Здесь не откроем – только поломаем. Надо отмачивать, убирать все отложения и ткань – слой за слоем...

Убрали найденные вещи в отдельный пакет. Златков взял в руки отложенный в самом начале раскопок карабин, поднятый первым. Ударил ребром ладони по большому налипшему глиняному комку в районе казённого. Комок рассыпался неожиданно легко. Видимо, то ли подсох на солнце, то ли Рязанцев недостучал по нему совсем немного. Остатки глины повисли на каком-то кирзовом лоскуте. Алексей осторожно приподнял лоскут и обнаружил под ним полуоткрытый затвор. Поджатый затвором, из отлично сохранившегося казённого торчал маленький эбонитовый пенал.

– Олежек! – радостно позвал Златков друга. – Есть медальон, Олежек!

Карабин переключал к Рязанцеву.

– Молодец, Лёха! – приговаривал Олег, внимательно осматривая казённый. – Всё-таки сегодня твой день.

– Ну типа того, – усмехнулся Златков, припомнив под вечер, что у него сегодня день рождения. И тут же махнул рукой:

– Ладно, не об этом речь. Ты ещё вот на это глянь.

Алексей протянул другу кирзовый лоскут. Внимательно изучив его вместе, они обнаружили клёпанные металлические проушины на практически рассыпающейся в руках кирзе.

– Остатки полевой сумки, – констатировал Рязанцев. – Существенная деталь.

– Думаешь, офицер? – чуть кивнув на пакет с останками, спросил Златков.

– С винтовочными подсумками и карабином? – покачал головой Олег. – Сомневаюсь. Но полевые сумки все подряд на себе не таскали. Думаю, младший командный состав.

Закат разливался по небу багровым маревом. Они несколько раз сходили к машине, перенеся в неё все находки и инструменты. Было решено изменить первоначальные планы и возвращаться в город незамедлительно. Златков знал, опять-таки из прошлых объяснений Рязанцева – найденные медальоны необходимо вскрывать как можно быстрее. Чем меньше проходит времени от момента подъёма медальона из земли, тем лучше. Иначе могли начаться непредсказуемые реакции, связанные с извлечением медальона из условий, в которых он был законсервирован десятки лет. Всё это могло привести – и, к сожалению, уже неоднократно приводило – к потере информации, содержащейся на вложенном в медальон бланке. А именно эта информация и была самой важной из всего найденного.

Гроза началась, когда они выбрались на дорогу с твёрдым покрытием. Началась совершенно по-питерски, неожиданно – поскольку как с утра распогодилось, так ни днём, ни даже в начале вечера ничто её больше не предвещало. Далёкие всполохи прочертили горизонт совершенно внезапно. Резко потемнело. Как будто и не бывало в здешних широтах никогда никаких белых ночей. Фары «Нивы» выхватывали только светоотражатели на столбиках по обочинам дороги. А затем стеной ударил ливень.

– Господи, какое счастье, что просёлок успели проскочить, – вглядываясь в мутную пелену перед собой сквозь лобовое стекло, по которому молотили взад и вперёд «дворники», говорил Олег. – Ливануло бы так в поле или в лесу, никакой внедорожник бы не помог. Завязли бы намертво.

Златков откинулся в кресле. Позади прокатилось ещё несколько раскатов грома. Казалось, плацдарм провожал их артиллерийской канонадой. По крайней мере, такое сравнение мелькнуло у Алексея в голове. Это вызвало разные чувства – от символических до жутковатых. Искоса глянув на сосредоточенно рулившего друга, он не стал отвлекать его разговорами.

Посветлело, как только выехали на Кольцевую автодорогу. А ещё через несколько километров пошёл совершенно сухой асфальт – никакой грозы здесь и в помине не было. Стояла уже ночь, когда они въехали в гаражи, расположенные вдоль железной дороги на Витебском проспекте. Олег припарковал машину напротив ворот своего бетонного бокса, открыл ключом прорезанную в металлических воротах дверь, зашёл внутрь и включил свет.

– Лёха, заносим всё сюда...

Медальон они пилили. Перед этим некоторых усилий стоило вытащить его из казённого карабина. К счастью, он в нём не раскололся. Да и вообще, от процесса извлечения ожидали гораздо больше трудностей. Но и это ещё не всё – медальоном в карабине сюрпризы не ограничились. Протирая вынутый эбонитовый пенал, Рязанцев обнаружил сложенные в несколько раз почерневшие кусочки бумаги на той его стороне, которая прилежала к внутренней части казённого карабина. Олег пинцетом развернул ветхие остатки всего в два пальца шириной и тут же придавил их двумя стеклянными пластинами. Слепил стёклышки между собой пластилином. Вооружившись лупами, под яркой лампой, низко подвешенной от потолка в светоотражающей полусфере, они принялись изучать очередную неожиданную находку. Смотрели на просвет под разным увеличением, поворачивали с двух сторон. Кроме нескольких едва различимых букв, выведенных карандашным грифелем крупными каракулями, на извлечённом кусочке больше ничего не было.

– Глухарь, – произнёс Олег, откладывая лупу. – Прочитать такое в таком виде, конечно, нереально...

Златков утвердительно кивнул и протянул другу медальон. Тот бережно закрепил его в небольших тисках и начал аккуратно надпиливать крышечку маленькой пилкой. Откручивать крышку они побоялись, чтобы не повредить вложенную трубочкой свёрнутую записку – вдруг она прилипла к крышке...

Переполюнявившие Златкова и Рязанцева час спустя эмоции сложно было бы описать. Они сидели друг напротив друга, а под яркой лампой на столике между ними лежала извлечённая из медальона записка. На хорошо сохранившемся, лишь чуть пожелтевшем, стандартном бланке ясно читались аккуратно вписанные остро отточенным карандашом все данные найденного бойца:

«Кровлев Фёдор Ефимович, старший сержант, 1895 года рождения».

Адрес, данные родственников, каким РВК мобилизован – всё было видно прекрасно. Боец был из Ленинграда. Это была невероятная удача.

Златков и Рязанцев подошли к разложенным на полочке при входе пакетам с останками. Присели на корточки, переглянулись. Златков прикрыл их плащ-палаткой. После некоторого молчания Рязанцев тихо произнёс:

– Царствие тебе Небесное, Фёдор Ефимович...

Глава 2

Вторая дивизия народного ополчения формировалась в июле 1941 года. В число ленинградских предприятий, с которых уходили в эту дивизию добровольцы, вошёл и вагоностроительный завод имени Егорова, что располагался на углу Заставской улицы и Международного проспекта.

– Не спеши, Фёдор Ефимович, – почти перегнувшись через стол, говорил толстый румяный человек с большой красной лысиной. Обвёл короткопалыми руками заваленный бумагами стол:

– Ты посмотри, сколько дел. И ведь это тоже будет фронт. Да-да, самый настоящий производственный фронт. Как заводу без таких, как ты? Ты ведь отличный инженер, Фёдор Ефимович...

– Примите, пожалуйста, дела, – коротко произнёс Кровлев и поднялся со своего места. Посмотрел на истёртую кожаную обивку стула со множеством забитых в неё по краям медных гвоздиков с рифлёными шляпками. Стул был массивный, дореволюционный. Таких в заводоуправлении сохранилось ещё немало. Кровлев одёрнул полы тёмно-синего пиджака, поправил галстук и поднял глаза на начальника:

– И, пожалуйста, поскорее.

Толстый румяный человек откинулся в директорском кресле. Произнёс другим тоном, медленно, с расстановкой:

– Фёдор Ефимович, ну давай откровенно – ведь давно не мальчишка. Мало тебя жизнь потрепала? И здоровье не очень, я ведь знаю.

– Не беспокойтесь, справлюсь.

Снова перегнувшись через стол, начальник произнёс совсем тихо и вкрадчиво:

– Ведь у тебя жена, дети. О них подумай.

– Вот поэтому и иду, – последовал чёткий ответ. – Примите, пожалуйста, дела.

Вздыхнув, человек в начальственном кресле подтянул манжет рубашки, обмакнул в чернильницу перьевую ручку и с сопением принялся выводить свою резолюцию на выложенных перед ним на столе бумагах...

Кровлев покинул завод только через двое суток после разговора с начальником. Всё это время ушло на передачу дел. Он даже ночевать остался в примыкавшей прямо к цеху подсобке на старой, скособоченной тахте. Удалось прикорнуть, не раздеваясь, всего несколько часов. Вечером второго дня, совершенно измотанный, он вышел на проспект и зашагал через Московскую заставу в сторону Обводного канала. Вечер был тёплый. Похоже, собирался дождик. Как всегда зануло на перемену погоды плечо. Кровлев попытался согнуть левую руку в локте, чтобы взглянуть на наручные часы, и не смог сделать это с первого раза. Прямо на улице совершил несколько вращательных движений плечами, особенно долго разминал левое. Морщась от боли в застарелой ране, всё-таки поднёс циферблат к глазам. Было начало девятого. Ещё несколько раз согнул и разогнул левую руку в локте, вопреки всему довольно улыбнулся сам себе и бодро зашагал по проспекту своим обычным маршрутом.

Сборы дома были совсем короткими. Уже в шесть утра следующего дня Кровлев тихонько притворил дверь маленькой десятиметровой комнаты в доме на Обводном канале и вышел в коммунальный коридор. Они жили в этой комнатке вчетвером: жена, сын, дочка и он. Аккуратно выглаженный с вечера костюм остался висеть в шкафу. Кровлев надел выдавшую виды клетчатую рубашку и такие же старенькие брюки. Достал чудом сохранившиеся с прежних времён добротные юфтевые сапоги. Он их хоть и не носил уже много лет, но ухаживал за ними исправно, регулярно смазывая касторовым маслом. Обмундирование выдадут, а вот угадать с обувью гораздо сложнее. Сапоги уж лучше взять свои. В котомке на лавке рядом с ним

уже лежали чистое полотенце, бритва, ложка, кружка и смена белья. Беззвучно усмехнувшись накатившим на мгновение воспоминаниям, он отстегнул от сапог шпоры – они явно были не к месту в нынешней ситуации. Шпоры чуть звякнули о лавку.

– Ты так спокойно собираешься на войну, Федя.

Перед их дверью стояла и смотрела на него жена. Он чуть улыбнулся уголком рта:

– Просто я делаю это уже в третий раз.

– Просто? – Она подняла собранные лодочкой ладони к губам.

– Агата, – он поднялся, обнял её за плечи. – Я тебя прошу...

Кивнул в сторону комнаты, где спали дети:

– Лишь бы им так собираться не пришлось.

И тут же перевёл разговор на дела, заговорив негромким, ровным тоном:

– Вероятно, я ещё зайду. Если нет – напишу при первой же возможности. С ребятами мы вчера погуляли – пусть сейчас отдыхают. Деньги в ящичке стола. Я всё получил и ещё снял – на первое время хватит. Вам должна быть поддержка как семье ополченца – я узнавал. Полагаю, мне определяют какое-то жалованье – сразу вышлю. Если будет тяжело – продай мои костюм и пальто. Да и вообще, ничего из вещей и имущества не жалея. Главное, береги ребят и себя. Всё остальное – дело наживное...

Жена смотрела на него, и было непонятно, слышит она его или нет.

– Эй, – шепнул он ей на ухо и легонько дотронулся пальцем до кончика носа, – ты здесь?

Она уткнулась лицом в его плечо и тут же, будто спохватившись, спросила:

– А как рука?

– Лучше всех!

Кровлев хитро подмигнул и вытянул обе руки перед собой на одинаковой высоте:

– Видишь?

– А выше? – с лёгким укором в голосе спросила Агата.

– А выше мне не надо. Я же не собираюсь сдаваться, – отшутился он.

Уже на пороге, закинув котомку за спину, он кивнул на лежавшие на лавке шпоры:

– Прибери пока. Володке память останется, если не вернусь...

Над Обводным каналом в этот ранний час курился лёгкий туман. Кровлев направился пешком в сторону Черниговской улицы, где в общежитии ветеринарного института уже несколько дней располагался стрелковый полк 2-й дивизии народного ополчения, куда ему предстояло явиться...

Решение формировать Ленинградскую армию народного ополчения (ЛАО) было принято в Смольном 27 июня 1941 года. В тот же день были разработаны и переданы в районы города планы разнарядок. Через три дня, 30 июня, были созданы военный совет и штаб армии ЛАО. Недостатка в добровольцах не было. Во многом именно их приток обусловил масштабное формирование ополченческих подразделений. Только за первые двое суток после объявления войны на сборные пункты военкоматов Ленинграда явились около ста тысяч человек. Среди них были как подлежащие призыву по мобилизации, так и добровольцы. Оценив масштабы происходящего явления, руководство города подготовило рекомендации создать двухсоттысячную армию. Для этого в каждом районе приступали к формированию стрелковой дивизии численностью от десяти до двенадцати тысяч человек, а также ряда частей специального назначения, в том числе пулемётно-артиллерийских батальонов. Уже 2 июля 1941 года в части формирующейся ополченческой армии было зачислено более сорока пяти тысяч человек, спустя два дня – свыше семидесяти тысяч. Всего через неделю число принятых только в ополчение добровольцев перевалило за сто тысяч.

Социальной базой комплектования ополченческих подразделений были предприятия и учреждения, расположенные на территории районов города. Вооружались и снаряжались дивизии ЛАО также своими административными районами. Практически сразу же обнаружилась

острая нехватка самого необходимого – от стрелкового оружия до транспорта и средств связи. Совершенно не были налажены интендантские и тыловые службы, практически отсутствовало многое положенное по штату обеспечение. Не хватало телефонных аппаратов и телефонного кабеля. Немногочисленные радиостанции зачастую не имели документации. Нередко отсутствовали кодовые таблицы, перечни позывных сигналов. Не говоря уже о специалистах, умеющих ими пользоваться. В результате многим добровольцам вынуждены были передавать на вооружение со складов устаревшие винтовки иностранных образцов: немецкие, французские, австрийские, английские, канадские, польские, даже японские – словом, всё то, что хранилось со времён Первой мировой и Гражданской войн. Это неизбежно вызывало почти неразрешимые проблемы с обеспечением боеприпасами столь разношёрстных стрелковых систем. Таким же скудным и пёстрым было и снаряжение ополченцев – от образцов, применявшихся в современной кадровой армии, до стеклянных фляг на перевязи и адриановских шлемов двадцатипятилетней давности. Впрочем, многие не имели и этого, будучи вооружены только малокалиберными винтовками и даже охотничьими ружьями.

Тем не менее за полторы недели июля были сформированы три дивизии и несколько отдельных подразделений. Из положенных на дивизию по штату 72 орудий калибра сорок пять миллиметров и выше в 1-й ДНО (дивизии народного ополчения) имелось только 9, во второй – 7. И лишь в третьей дела обстояли чуть лучше – дивизия располагала 25 орудиями. Ещё большей проблемой, чем материально-техническое обеспечение, явилась совершенная необученность личного состава. Больше половины ополченцев до отправки на фронт не провели ни одной практической стрельбы. Результаты контрольных стрельб там, где они проводились, оказались совершенно неудовлетворительными. Оно и неудивительно – на формирование кадровой дивизии отводилось минимум восемь недель: что же можно было требовать от прошедших полуторанедельную подготовку ополченцев? К тому же многим из них было хорошо за сорок, за пятьдесят и более лет. Такая же картина наблюдалась и с тактической подготовкой. В лучшем случае занятия по изучению основ боя были организованы только в масштабе отделение-взвод-рота. В сложившейся обстановке не только о дивизионных и полковых, но даже о батальонных учениях не могло быть и речи. Как результат – ополченческие дивизии не отрабатывали даже самых общих принципов взаимодействия ни в наступательном, ни в оборонительном бою.

Случилась и ещё одна проблема, последствия которой открылись при проведении плановой мобилизации в последующие дни. Оказалось, что в ополчение попали многие подлежащие призыву командиры среднего и старшего звена. Причём в ополчение они ушли на должности рядовых.

Зато энтузиазм был действительно всеобщим. К сожалению, он не смог компенсировать всех перечисленных недостатков в подготовке и снабжении. Тем не менее 10 июля 1941 года 1-я дивизия народного ополчения была отправлена на фронт. Спустя всего считанные дни все недочёты при её формировании были оплачены большой кровью и тяжёлыми потерями. Через пару недель боёв в полках дивизии оставалось по сотне человек в каждом...

2-я ДНО формировалась из полков Московского и Ленинского районов. В дивизию вошли артиллерийский и стрелковые полки, миномётная и разведрота, рота связи, сапёрный и санитарный батальоны, подразделения химзащиты и хозяйственные службы. Поскольку дивизия формировалась в основном в Московском районе Ленинграда, её решено было назвать «Московской». На бумаге штат дивизии выглядел укомплектованным более или менее правильно, но на деле проблемы и неразбериха были те же, что и в остальных ополченческих частях.

Явившись по месту своей военной службы, Кровлев при оформлении документов незамедлительно проинформировал новое начальство:

– Имею подготовку артиллериста!

– Очень хорошо, – отреагировало начальство в лице сутулого человека в очках, одетого в защитную гимнастёрку без знаков различия.

Начальство сделало какие-то отметки в документах вновь прибывшего... и направило Кровлева в пехоту. Что ж, артиллерийских орудий и миномётов в дивизии на тот момент катастрофически не хватало, и он отнёсся к своему направлению с пониманием. Тем более что вокруг собрались сотни людей самых разных специальностей, в том числе и военных. Кровлев смотрел на них и зримо осознавал, насколько всеобщим оказался порыв, приведший в ополчение такое большое число добровольцев. С феноменом добровольчества он сталкивался уже не впервые и знал его сильные стороны. Добровольческие части были наиболее стойкими под огнём. Потери пленными были в них наименьшими. К сожалению, убитыми и ранеными они теряли больше. Причём важно подчеркнуть, что речь идёт именно о добровольцах, а не о наёмниках. Видел он в своей жизни и такую категорию людей. И если она, как правило, характеризовалась высоким уровнем профессиональной военной подготовки, но исключительно корыстной мотивацией, то применительно к добровольцам всё обстояло совершенно иначе. Человека, решившего по собственным убеждениям отстаивать дело, в правоте которого он уверен, остановить невозможно. Чётко осознавая, за что они идут сражаться, следуя исключительно своему личному выбору, ополченцы были готовы отдать свои жизни в бою. К сожалению, спустя всего считанные недели так и получилось. Поскольку подготовить, снабдить и обеспечить их катастрофически не успевали. Вопрос, какую цену заплатили человеческими жизнями дивизии народного ополчения в боях лета-осени 1941 года, окажется чрезвычайно болезненным. Да, порыв был искренним и практически всеобщим. Но порыв не мог заменить отсутствия военного обучения, налаженного взаимодействия и хотя бы минимально приемлемого уровня снабжения. Как человек изрядно повоевавший, Кровлев знал, что умереть и победить – это не одно и то же. Впрочем, побед без жертв не бывает – это он тоже знал. Ну а вопрос, могла ли быть цена другой, задавать нужно точно не тем людям, которые явились и добровольно встали в строй. Да никто и не говорил тогда ни о чём подобном – они просто пришли и делали своё дело. Так, как они его понимали в тот момент...

Обмундирование получали на следующий день. Кровлеву выдали новый летний комплект, пилютку, поясной ремень и старый туркестанский мешок с застиранными чернильными кляксами на дне. Он сразу убрал в него котомку со своими немногочисленными личными вещами. Шинелей им не досталось. Противогазы и каски обещали привезти позже. Переодевшись, он стоял во дворе общежития среди других подгонявших обмундирование и снаряжение ополченцев и вытаскивал торчащие нитки из рукава наспех сшитой гимнастёрки, когда услышал за своей спиной:

– Справные у тебя сапоги, дядя. На что меняешь?

Кровлев обернулся. Перед ним стоял парень в подпоясанном ремнём пиджаке. Видимо, гимнастёрки уже закончились. И пилютки, похоже, тоже – на голове у парня была обычная гражданская кепка, а на ногах – ботинки с намотанными на защитные броджи брезентовыми обмотками. Зато за спиной у парня был чёрный русский артиллерийский ранец. Какими судьбами сюда попал этот предмет снаряжения царской армии, судя по окружающим, ещё и в единичном экземпляре, можно было только гадать. Ранец навевал ностальгические воспоминания, но сапоги были важнее и практичнее. Кровлев чуть усмехнулся и отрицательно покачал головой:

– Не меняю.

За винтовками отправились пешим порядком в пакгаузы в район платформы «Воздухоплавательный парк» Витебской железной дороги. Их завели на складской двор и выстроили у пандуса. Объявили пятиминутный перекур. Стоя у распахнутой конторской двери, Кровлев невольно услышал обрывки разговора их ротного командира с начальником склада.

– Как нет трёхлинеек? – удивлённо спрашивал их ротный. Ротный был, как успел заметить и узнать Кровлев, довольно грамотный мужик, призванный из запаса после нескольких лет службы на командных должностях и направленный сейчас в ополчение. – Вообще нет?!

– Совершенно, – невозмутимо отвечал глухим басом майор-интендант. – Остались только иностранные системы.

– И где я к ним возьму боеприпасы на фронте?

Немая сцена. Кровлев чуть скосил глаза в дверной проём и увидел, как интендант молча разводит руками.

– Вы понимаете, что после израсходования носимого запаса все эти иностранные винтовки будут не полезнее палок?

Интендант пожал плечами:

– Чем богаты. Всё, что осталось...

Какое-то время из конторки раздавалось только шуршание бумаг. Затем опять послышался голос их ротного, теперь недоумённый:

– Погодите, погодите, вы хотите сказать, что даже одну роту не в состоянии вооружить винтовками одной системы?

– Я же говорю вам, больше ничего нет. Даже с полигона рядом всё оружие, что было, собрали и выдали, – интендантский бас звучал совсем приглушённо.

– Замечательно! – ротный в отчаянии хлопнул себя ладонями по бёдрам. – То есть у меня один взвод будет с английскими Энфилдами, другой с австрийскими Манлихерами, третий с французскими Лебелями?

– Могу предложить ещё японские Арисаки. Осталось несколько штук.

– Это юмор у вас такой? Вы хоть в курсе, что это всё винтовки под разный боеприпас?

– Послушайте, я в курсе. Но других вариантов действительно нет. Если не верите, я покажу вам склад, – в непробиваемом до сей поры башке интенданта теперь просквозила неподдельная обида. – Можете убедиться сами.

Ещё минуту шуршали бумаги. Ротный тяжело сопел, подписывая какие-то ведомости.

– Вчера даже автомат Фёдорова выдал, – тихо говорил интендант. – Помните такую систему?

Ротный, не отрываясь от бумаг, в которых он что-то сосредоточенно писал, молча кивнул. Через минуту поднял глаза на собеседника и спросил с надеждой:

– А винтовки Маузера есть? Может, хоть трофейными боеприпасами потом разживёмся.

– Только старого образца, да и то десятка два, – проговорил интендант и отвернулся.

– Твою ж мать... – вырвалось у ротного. Почесав затылок, он проговорил после короткой паузы: – Нет уж, оставьте такие «маузеры» себе. Иначе я совсем с ума сойду с этим стрелковым зоопарком и боеприпасами к нему.

– Вы думаете, я не понимаю, в каком вы положении оказываетесь с боепитанием? Но поверьте, я сделать ничего не могу, – в очередной раз развёл руками интендант. – Патроны отдам все, что есть. Но их немного...

Закончив заполнять бумаги, ротный взглянул на майора. Проговорил, тяжело вздохнув:

– Н-да, коллекция у вас, конечно, достойная уважения. Но она для музея, а не для фронта. Ладно, раз других вариантов нет – давайте начинать выдачу...

Взводу, в котором состоял Кровлев, достались длинные французские винтовки системы Лебеля. Их выдавал под сводами старого, дореволюционной постройки, складского здания из красного кирпича пожилой красноармеец в ватнике.

– А штыки к винтовкам есть? – спросил красноармейца Кровлев, когда очередь дошла до него.

– А надо? – равнодушно поинтересовался выдававший.

– Тащи на всех.

Когда взвод вышел строиться после получения оружия, на пояс у каждого, подвешенный за специальное изогнутое крепление, висел в закруглённых ножнах длинный гранёный штык, по очертаниям и размерам напоминавший шпагу. Подошёл ротный, осмотрел личный состав, произнёс:

– Хотя бы так.

Вместо патронных подсумков выдали брезентовые бандольеры – патронташи, которые одевались через плечо. Видимо, в качестве компенсации за разброд с винтовками майор решил забрать хранившийся валом в дальней части склада всевозможный хлам, состоявший из старых фляг в дырявых и заплесневевших чехлах, ложек, мятых кружек, разнокалиберных котлов и прочей тому подобной мелочи. Кровлев выбрал себе вполне приличный медный котелок, конусообразно сужающийся в верхней части. Котелок прицепил себе на ремень. Склад ополченцы выгребли подчистую.

Пешим порядком, бряцая оружием и снаряжением, неся на плечах ящики с боекомплектом, выдвинулись обратно к себе в расположение на Черниговскую улицу. Когда уже на месте приступили к выдаче боеприпасов, оказалось, что часть из них пришла в совершенную негодность. В итоге каждому на диковинную винтовку досталось всего по несколько десятков соответствующих ей патронов.

– А чего он не лезет-то? – спросил Кровлева парень в пиджаке и кепке, тот самый, что предлагал ему сменять сапоги. Парень сейчас пытался зарядить винтовку.

– Дай-ка, – Кровлев взял в руки оружие и боеприпасы. Так и есть – боеприпасы уже умудрились перепутать. Теперь парень безуспешно пытался загнать в английскую винтовку старый французский патрон.

Вызвали взводного. Тот доложил командиру роты.

– Ну вот, началось, – проворчал ротный. – О чём я и говорил – прямо не отходя от кассы...

Было проведено несколько коротких лекций для личного состава о стрелковом оружии, которое попало к ним в руки. Проверили всю роту на соответствие стрелковых систем и выданных к ним боеприпасов. Конечно же, как и ожидалось, нашлись ещё несоответствия. Позанимались разборкой и сборкой винтовок. С грехом пополам, кое-как уладили данный вопрос. По крайней мере, до поры до времени. На стрельбы попал только первый взвод, и то единожды. Результаты оказались неудовлетворительными, что, впрочем, никого не удивило. Провели несколько занятий по тактике. Пару дней ползали по-пластунски на брюхе прямо во дворе, учились окапываться в близлежащем садике и кидали в канаву через улицу имитирующие гранаты болванки. Потом дружно шли их искать, а взводный ругался, что не все болванки вернули. Настоящих гранат до отъезда на фронт они так и не увидели. В итоге они не отзанимались даже положенных по разнарядке полутора недель, отводившихся на подготовку дивизии народного ополчения. Вечером пятого дня во двор въехала выдавшая виды полуторка. Кузов её был загружен стальными шлемами. Каски закончились на половине личного состава – их получил только каждый второй. Обещанные противогазы не выдали вовсе.

Согласно первоначальной информации они должны были пробить на месте ещё несколько дней, и на следующее утро Кровлев получил разрешение командира навестить родных. Благо бежать отсюда до его дома на Обводном было меньше пятнадцати минут. Но увидеться с семьёй до своего отъезда на передовую ему было не суждено. Поднятые по тревоге, спешно собравшись, ополченцы выдвинулись к Варшавскому вокзалу. Проходя в колонне по набережной Обводного канала, Кровлев видел на другой стороне свой дом. Жадно вглядывался через канал – вдруг Агата или дети окажутся в этот момент на улице? Умом он понимал тщетность подобных надежд, но, вопреки всему, сердце в груди вдруг забилось часто-часто. Он, конечно же, их не увидел. Впереди была погрузка в эшелоны. Короткий и резкий паровозный

гудок будто обрубил что-то внутри. Дернувшись, состав двинулся в юго-западном направлении и начал медленно набирать ход...

Впереди был Лужский оборонительный рубеж. 13–14 июля 1941 года немецкие войска местами форсировали реку Лугу и захватили плацдармы на другом берегу. Выгрузившись в Веймарне, 2-я дивизия народного ополчения 14 июля вступила в бой южнее этого населённого пункта в районе деревень Ивановка и Среднее Село. Так случилось, что на тот момент времени дивизия оказалась здесь единственным сравнительно крупным соединением советских войск. Именно она смогла на некоторое время остановить продвижение противника.

Глава 3

Светало. Приближалось умытое после вчерашней грозы утро. Было слегка прохладно. Златков и Рязанцев сидели снаружи на вытащенной за ворота гаража небольшой складной скамейке и курили.

– Случай, безусловно, удивительный, – проговорил Олег. – И вместе с тем с поисковой точки зрения должен быть весьма простым.

– Посмотрим, – задумчиво ответил Златков. – Но чтобы столько находок за один раз... Согласен, удивительно.

– Во-первых, запросим местный военкомат, – продолжал Рязанцев, – уточним личные данные, прежде всего родственников. У меня сейчас как раз товарищ работает в Центральном архиве Минобороны в Подольске. Тоже будет нелишним посмотреть, какие данные сохранились там. Это во-вторых...

Алексей кивнул – он приезжал в подольский архив, когда работал над своей кандидатской диссертацией. Проговорил:

– По награждению прежде всего попроси своего знакомого уточнить. Да и вообще, личное дело не лишним будет. Анкетные данные, прохождение службы, ранения, может быть... Фотографию бы хотелось – посмотреть, как он выглядел.

– Да, мы так и делаем, – кивнул Рязанцев.

– Вот по кресту будет сложнее информацию поднять, – задумчиво поскрёб подбородок Златков. – Я, конечно, попробую...

– Да, маловероятно...

Перед этим они провозились до глубокой ночи. Помимо остатков записки, которую было невозможно прочитать, и отлично сохранившегося заполненного бланка из медальона ещё одной удивительной находкой оказался плоский предмет с закруглёнными краями. Рязанцев ошибся в своём изначальном предположении относительно него совсем немного – после долгих манипуляций по очистке предмета от земли и остатков ткани он оказался не портсигаром, а маленькой пластмассовой табакеркой. На крышке была изображена башенка какого-то замка. Башенка располагалась на рукотворном утёсе, сложенном из камней и напоминающем нос корабля.

– Никогда такого не встречал, – проговорил Рязанцев, откладывая лупу. – Это не советская вещь. Хотя явно годов тридцатых.

– Может, трофейный? – сделал предположение Алексей.

– Возможно. – Олег ещё раз внимательно рассмотрел крышку. – Но архитектура замка не готическая. Для немцев нетипично... Ладно, открываем.

Аккуратно отделив ножом крышку от донышка, они тут же забыли и о табакерке, и об архитектуре замка, изображённого на ней. Внутри, чуть прилипнув остатками ленточки к пластмассе, лежали потемневшая медаль и крест без колодки. Они переглянулись, и Златков одними губами прошептал еле слышно:

– Так не бывает...

– Пойдём на воздух, – отозвался Рязанцев, бережно положил находку на поверхность верстака. – Чуть позже продолжим...

Перекурили. Вернулись и продолжили. Медаль оказалась «За отвагу». Крест был сильно повреждён попавшей в него либо пулей, либо осколком. Но поскольку пластмассовая корбочка была цела, повреждения произошли явно до того, как награду положил в неё сам владелец. Стороны креста были сильно загнуты, а посередине виднелась отчётливая вмятина. Однако они без труда определили, что это солдатский Георгиевский крест...

Подаренный Златкову коньяк открыли уже часа в три ночи.

– Сорокалетие было вчера, теперь можно отмечать, – устало пошутил Олег. И тут же сделал останавливающий жест усмехающемуся Златкову, наклонившему бутылку над мельхиоровыми рюмками, дежурно хранившимися в гараже для разных подобных случаев:

– Мне чуть-чуть совсем, я завтра к своим на дачу еду.

– Уже сегодня, – уточнил Алексей, глянув на светящийся циферблат часов.

Рассвело. Из бутылки они едва ли одолели пятую часть.

– Оставь у себя, – Златков забил пробку обратно в горлышко. – Чувствую, мы ещё пересечёмся тут не раз в ближайшее время.

Рязанцев чуть улыбнулся, кивнул и убрал коньяк под верстак.

Сидя на скамейке, негромко обменивались впечатлениями о поездке, находках и дальнейших действиях.

– Ты знаешь, – проговорил вдруг Алексей тихо, – у меня такое ощущение, будто... Не знаю, как правильно выразиться...

Рязанцев, полуобернувшись, не перебивая, внимательно слушал и смотрел на друга.

– В общем... Язык не поворачивается сказать, что мы втроём тут посидели... – Златков кивнул в сторону приоткрытой двери в гараж, за которой рядом с найденными останками под плащ-палаткой на полочке стояла накрытая кусочком хлеба такая же мельхиоровая рюмка с коньяком. – В общем, будто мы здесь точно не вдвоём...

– Так и есть, – чуть наклонил подбородок Олег. И, показывая, что он отлично понял Алексея, спокойно продолжил, также кивнув на дверь. – Поверь, он и сейчас доволен. Он хотел, чтобы его нашли. И это произошло.

– Мистика какая-то, – взъерошил себе волосы на макушке Златков. – Он погиб семьдесят с лишним лет назад.

– Но ведь у тебя ощущения другие?

– Другие...

Рязанцев посмотрел другу прямо в глаза:

– Вот видишь. Потому что у Бога все живы...

Домой Златков пришёл почти ровно через сутки после того, как они выезжали на рязанцевской «Ниве» с его двора. Кот с порога кинулся ему в ноги и тёрся о ботинки до тех пор, пока не получил свою миску корма. Минут пять, пока Златков прибирал за питомцем, с кухни доносился только громкий хруст. Затем кот с достоинством вошёл в комнату, замер на её середине и одарил хозяина долгим взглядом изумрудных глаз. В них прямо читался немой укор: «Эх, хозяин, где ж тебя так долго носило».

– Мистика, – сказал Алексей коту и откинул плед.

Кот повёл ухом и сощурился. Показалось, будто он даже чуть кивнул утвердительно. Но ведь такого не бывает... А затем кот привычно прыгнул на диван хозяину в ноги.

Златков не стал включать компьютер и читать почту. Всё равно от самого близкого человека он уже давно не получал никаких других писем, кроме язвительных. Почти без звука полистал каналы телевизора – по всем новостям была только война. Он нажал кнопку пульта – экран погас. Через занавески в окно проникал утренний свет. Нужно было поспать. Хотя бы немного.

Спустя день, возвращаясь после проведённой консультации из института, Златков заглянул в лавку на Садовой к знакомому антиквару. Других посетителей в полуподвальчике не было.

– Алексей Владимирович! – раздалось из-за прилавка. – Очень рад!

– Здравствуйте!

Разговорившись несколько лет назад в этой самой лавке, куда Златков забрёл совершенно случайно, они с тех пор иногда помогали друг другу сведениями, советами или просто предположениями. Отношения носили абсолютно некоммерческий характер и основывались

исключительно на общем интересе – истории. Сейчас Алексей выложил перед антикваром найденную табакерку. Больше можно было ничего не говорить. Минуты две продолжалось тщательнейшее изучение принесённой вещи в полнейшей тишине.

– Польша, до 1939 года, – прозвучал уверенный вердикт.

– Мне не даёт покоя замок, – Алексей аккуратно коснулся пальцем крышки табакерки. Дома он рассматривал её не один раз. – Такое ощущение, что я его уже где-то видел. Никак не могу вспомнить где.

Антиквар снял очки:

– Это Дубненский замок. Тот самый, который осаждал Тарас Бульба.

– Точно! Спасибо огромное!

Они увлечённо проговорили ещё несколько минут о периоде, когда стали входить в широкий обиход изделия из пластмассы, о табакерках и степени их распространённости в межвоенный период, о том, в каких пачках продавался в СССР нюхательный табак...

Нужно было идти. Закончился разговор как обычно:

– Вещь редкая. Если всё-таки будете сдавать на комиссию...

– Благодарю, – улыбнулся Златков, – не буду.

– Ну, воля ваша...

Алексей вышел на улицу и зашагал в сторону метро. Конечно, это Дубненский замок. Как он мог его не узнать сразу? Вспомнилось – они несколько лет назад гуляли с Янкой и Тохой по Дубно, он что-то рассказывал им о крупнейшем в мире танковом сражении, которое случилось в самом начале войны, в конце июня 1941 года, как раз в треугольнике Луцк – Дубно – Ровно, а не двумя годами позже под Прохоровкой, как считают многие. А потом они обедали в ресторанчике рядом с Дубненским замком. И там им с удовольствием охотно подтверждали, что именно здесь разворачивались описанные Гоголем события. И ресторан назывался «У Тараса» или что-то наподобие того, кажется.

«Гоголь, Янка, панночка», – невесть почему крутилось в голове у Златкова, и сама собой сложилась фраза, которую он, задумавшись, чуть было не произнёс вслух:

– Яночка-панночка.

Тьфу, детский сад какой-то!

Алексей поднял глаза и увидел над собой козырёк входа в метрополитен. Вдохнул, вошёл внутрь и пристроился в очередь за жетонами.

Дома он долго рассматривал в компьютере фотографии, сделанные тогда в Дубно. Вот Тоха залез на какой-то валун на фоне замка, вот Янка, улыбаясь, позирует ему, опираясь на перила моста. Вот они втроём – попросили сфотографировать их кого-то из прохожих. Такая дружная, счастливая семья...

А вечером позвонил Рязанцев.

– Пробили, адрес тот же, – поздоровавшись, с ходу перешёл к делу Олег. – Но телефон молчит.

Златков понял его с полуслова:

– Надо ехать.

– Да, в таких делах время дорого. Когда будет захоронение – сообщу позже, пока сам не знаю.

– Ты не поедешь?

– Я на смене.

– Понял. По итогам сразу отзвонюсь.

Был вечер, но ещё не поздний, когда Златков оказался около нужного дома на Обводном канале. По дороге он обдумывал полученную от Рязанцева информацию. Согласно ответу на запрос Олега, по указанному в медальоне адресу на сегодняшний день проживала Кровлева Галина Фёдоровна, 1930 года рождения. На бланке, который они прочитали, из родственников

была вписана только жена – Агата Васильевна. Застать в живых её через столько лет представлялось совершенно нереальным. Да и не значилось её на сегодняшний день по данному адресу. А вот с Галиной Фёдоровной дело могло обстоять иначе – хоть прямых указаний на степень родства с найденным бойцом и не имелось, а равно и не было пока сведений о полном составе его семьи, с очень высокой долей вероятности можно было предположить, что это его дочь. Златков прикинул в уме – Галине Фёдоровне Кровлевой должно было быть сейчас 84 года. Возраст, безусловно, почтенный, но есть шанс застать её в добром здравии и ясном уме. Надо как-то продумать разговор. Если она действительно дочь или даже просто родственница, всё-таки сложно предугадать, как повлияют известия, с которыми он пришёл, на пожилого человека. Подходя к парадной, Алексей опустил руку в карман пиджака – табакерка с наградами была на месте.

Вход, однако, оказался перекрыт потрёпанной тёмно-синей «Газелью».

«Специальная», – пробежал глазами Златков по борту машины, боком протискиваясь в подъезд. Внутри зашевелилось нехорошее предчувствие. Когда он уже поднимался по лестнице, снизу кто-то сказал равнодушно, обращаясь к сидевшему в кабине водителю:

– Да старуха какая-то никому не нужная померла.

Хлопнули створки закрывшихся задних дверей машины. Как подстёгнутый этим звуком, Алексей бегом преодолел два лестничных марша и замер у двери квартиры с нужным ему номером. Дверь была распахнута. Он пошарил глазами по дверному косяку в поисках звонка. Не найдя такового среди пучков покрашенных коричневой краской проводов с оборванными концами, он громко постучал по двери согнутыми пальцами. Ответа не последовало. Златков постучал ещё громче. Тишина. Сам не зная зачем, Алексей нащупал в кармане табакерку и шагнул через порог.

Длинный коридор освещался тусклой лампочкой, висевшей на вывалившемся из стены чёрном пластмассовом патроне. На заваленной всяким хламом тумбочке под слоем вековой пыли стоял сдвинутый на угол старый дисковый телефонный аппарат с выданным из розетки проводом.

«Понятно, почему было не дозвониться», – машинально отметил про себя Алексей и прошёл несколько шагов по грязному скрипучему паркету с остатками стёршегося на нём лака.

Слева распахнулась дверь комнаты, и в проёме показалась женская фигура, закутанная в домашний халат с надетым на голову капюшоном. Прежде чем Златков успел что-либо сказать, женщина буднично проговорила:

– Забыли чего? Дальше вам, по коридору направо.

Дверь тут же захлопнулась так же неожиданно, как и распахнулась. Изнутри красноречивее всех слов недвусмысленно лязгнул закрывшийся на два оборота замок. Алексею не осталось ничего другого, как продолжить движение. Мужик неопределённого возраста в тельняшке и тренировочных штанах буквально вывалился на Златкова из-за поворота. В лицо пахло кислым запахом застарелого перегара. Упершись одной рукой в стену, мужик помахал второй из стороны в сторону:

– Пжста.

Жест рукой, надо полагать, означал, что он галантно пропускает пришедшего.

– Да-да-да, – пьяно затараторили Златкову вслед. – Туда-туда.

Алексей обернулся. Мужик истолковал это на свой лад:

– Я грю, верной дорогой идёте, товарищ...

И развёл руками.

– Мне к Галине Фёдоровне Кровлевой, – оглядев очередного жителя коммунальной квартиры, проговорил Златков.

Мужик надул губы, фыркнул, разбрызгивая слюни, небрежно утёрся рукавом тельняшки. Правда, неразборчиво буркнул себе под нос тут же что-то наподобие «прошу прощения». Проговорил внятно, снова разведя руками:

– Понятное дело, что не ко мне. За мной ещё рано.

– Она дома?

– Дома?! – Мужик сделал шаг назад, шмыгнув носом и опять утёрся тельняшкой. – Это как сказать...

Мутный взгляд собеседника прошёлся по Златкову от головы до пят.

– погоди, ты не с труповозки, что ли? – наморщил лоб человек в тельняшке и тренировочных.

Алексей закусил губу. Дальше можно было не объяснять. Разжал пальцы и вытащил руку из кармана – всё время до этого он продолжал придерживать ладонью в кармане табакерку.

Держась рукой за стену, мужик засыпал Златкова предположениями, весьма сбивчивыми и противоречивыми, сам же их опровергая:

– Ты из собеса, что ли? Хотя нет, они так поздно не ходят. А не с почты? Пенсию принесли? Да нет, там бабы одни ходят. И опять-таки, время неурочное. Агент жилищный уже, что ли? Быстро вы, если так. Только сегодня померла, и уже комнатку смотреть пришли... Или из милиции? Или как там теперь, полиции...

Чтобы только прервать хоть чем-то обрушившийся на него словесный поток, Златков быстро спросил:

– Вы кто?

– Я? Гена...

Ответ был исчерпывающим. Гена сделал шаг назад, видимо по-своему истолковав вопрос визитёра и манеру, в которой он был задан. Сделав шаг назад, произнёс тихо и утверждающе:

– Значит, из полиции...

Златков отрицательно покачал головой.

– Тогда чего надо? – последовал вполне резонный вопрос.

Необходимо было что-то предпринимать дальше. Рассказывать о событиях последних нескольких дней и своих предположениях непонятно кому, в полутёмном коридоре запущенной коммунальной квартиры? Ну а дальше что?

– Вы ей не родственник?

– Я? Нет... – Гена отрицательно покачал головой и выжидающе посмотрел на Златкова вполне сфокусированным взглядом. – И?

Выбора не оставалось – нужно было пробовать.

– У неё отец на фронте пропал, так? – пошёл ва-банк Златков.

Реакция собеседника оказалась неожиданной. Он отстранился назад, долго тёр брови тыльной стороной ладоней, затем отозвался глухо:

– Так.

Интуитивно нащупывая нить для продолжения разговора, Златков поинтересовался:

– Давно здесь живёте?

– всю жизнь, – отозвался Гена. Хотя мог бы, конечно, послать Златкова куда подальше, ведь для него он тоже был неизвестно кто.

Следующий шаг пришёл сам собой. Златков протянул руку:

– Алексей.

Через несколько минут он уже знал, что Галина Фёдоровна жила в этой коммунальной квартире в маленькой десятиметровой комнатке, всю свою жизнь проработала учительницей в школе. Последние десять лет существовала на мизерную пенсию. Была одинока и ни про каких живых её родственников никто никогда не слышал. Весь минувший год тяжело болела, а сегодня утром умерла.

«Мистика», – в очередной раз произнёс мысленно Златков.

– Учился я у неё, – неожиданно закончил свой рассказ Гена и, обозначив вытянутой вниз рукой небольшое расстояние от пола, даже чуть улыбнулся. – Вот с таких вот лет меня знала.

Разговаривая, они прошли по длинному коридору. Миновали кухню с весьма характерными ароматами. Оттуда их пристально проводили две пары женских глаз. До Златкова донеслось:

– Кого это Генка притащил?

Гена толкнул обшарпанную дверь справа по коридору:

– А комната её вот...

В нос ударил удушливый запах лекарств и помещения, в котором долго находился больной человек. Не переступая порога, Златков произнёс, обращаясь к соседу:

– Да комната-то ладно. Мне бы родственников её найти. Хоть каких-нибудь.

Видимо, слово «комната» явилось спусковым крючком для толстой тётки в цветастом переднике, надетом поверх полосатого халата. Она уже с кухни внимательно прислушивалась к их разговору. Сейчас же, выскочив с поварёшкой в коридор, без всякой видимой причины тётка набросилась на Златкова:

– Комнату захотел?! А ну, пошёл прочь отсюда! Ишь, нашёлся родственничек!

– Да погодите вы, не нужна мне никакая комната, – отступая обратно по коридору под натиском свистевшей у него перед лицом поварёшки, говорил Златков, примиряющее выставив руки перед собой. – Я совсем не за этим пришёл.

– Всю квартиру оттяпать пришёл?! Шиш тебе! Вон отсюда! – бесновалась тётка, брызжа слюной. – Нам эта комната теперь отойдёт, нам! Я тоже блокадница!

Вторая женщина спокойно вышла из кухни, задержалась, посмотрев на беснующуюся соседку.

– И ты не пялся – у меня больше прав на жильё! – поварёшка угрожающе повисла в воздухе в занесённой руке.

– Хабалка ты, – последовал невозмутимый комментарий в ответ. – Ты блокадница ташкентская. Думаешь, вспомнить некому, что ты в эвакуации родилась? Мне-то сказки не рассказывай – вы сюда после войны вернулись.

– Ну ёлки-палки, соседushки... – попытался внести свой миротворческий вклад Гена.

Поварёшка моментально просвистела уже у него над головой:

– А ты вообще закройся! Иди zenки залей и ползи в свою конуру!

По всему было видно, что обитатели квартиры давно и стойко испытывали друг к другу самые нежные чувства. Разворачивался классический коммунальный скандал. Златков пришёл сюда не за этим. Он двинулся по коридору в сторону входной двери. Между тем тётка с поварёшкой всё никак не могла уговориться. Коридор огласил её протяжный крик:

– Мишаня! Мишаня, сынок!

Следующий выкрик был абсолютно лишён логики:

– Грабят!

Из очередного дверного проёма – Златков поразился, сколько же тут дверей – в коридор выскочил здоровенный бугай с волосатыми плечами в растянутой майке, семейных трусах и резиновых шлёпанцах.

– Ты чо? – пробасил детина и потянул в сторону проходившего мимо Златкова мохнатую лапищу.

– Мишаня, Мишаня, всё нормально, – на ходу встрял между ними Гена и легонько подтолкнул Златкова к порогу.

Из первой от входа двери с любопытством высунулась женская голова в капюшоне и тут же убралась. Дверь захлопнулась – Златков услышал уже знакомые ему щелчки закрывавшегося изнутри на два оборота замка.

Быстро сунув прикрывавшему его отступление Гене свою визитку, Алексей уже на лестнице сказал:

– Спасибо! Позвоните, если ещё чего вспомните...

– Может, и позвоню, – Гена повертел в пальцах визитку, кивнул в сторону кухни и вымолвил как-то отстранённо:

– А вот Галина Фёдоровна себе таких сцен никогда не позволяла. Тихая была, скромная.

Он оказался единственным из соседей, который вспомнил, что сегодня здесь умер человек, проживший с ними бок о бок целую жизнь...

Вечером Алексей зашёл в гараж к Рязанцеву. По обыкновению сначала внимательно всё выслушав, Олег глубокомысленно изрёк, сославшись на своего любимого писателя:

– Квартирный вопрос – всё по Булгакову.

– Родственников бы найти, – задумчиво проговорил Златков. – Только ума не приложу, под каким соусом мне там снова появиться.

– К сожалению, родственники находятся не всегда. Главное – личность бойца мы установили. Ладно, дождёмся ответа из архива.

Глава 4

В бой дивизия была брошена практически с ходу. Основной задачей была ликвидация так называемого Ивановского плацдарма, который успели создать немцы на восточном берегу реки Луги. Полностью ликвидировать вражеский плацдарм ополченцам не удалось, однако расширить его противнику они тоже не позволили. 15 июля 1941 года 1-й стрелковый полк стремительной атакой выбил неприятеля из населённого пункта Среднее Село. Подразделения 2-й ДНО вышли к Луге южнее Ивановского плацдарма и установили связь с курсантами пехотного училища имени С. М. Кирова, сдерживавшими немецкие войска у Большого Сабска. Учитывая сложившуюся обстановку, в оперативное подчинение дивизии были переданы 519-й гаубичный артиллерийский полк и танковый батальон бронетанковых курсов усовершенствования командного состава. Подтянулись также отдельные вспомогательные части. 16 июля 2-й полк дивизии выбил немцев из деревни Юрки и опрокинул немецкий заслон в деревне Забелье. 3-й полк очистил от противника деревню Малые Пелеши и занял восточный берег реки Луги на этом участке. Вражеский прорыв был локализован. Начались активные боевые действия под населённым пунктом Ивановское с целью полностью ликвидировать немецкий плацдарм. Атаки продолжались день за днём всю вторую половину июля. Но успеха они не приносили.

Рота, в которой служил Фёдор Кровлев, в двадцатых числах июля атаковала один из многочисленных безымянных хуторов, разбросанных между окрестными деревнями и сёлами. Из наспех вырытого окопчика глубиной чуть выше колена их ротный в бинокль рассматривал крыши хуторских строений, раскинувшихся в низине перед ними. До хутора было чуть больше километра.

– Где связь? – опустив бинокль, обернулся ротный назад.

– Сейчас, сейчас, – совершенно не по-военному бормотал себе под нос высокий худощавый парень, старательно разматывавший катушку с проводом. – Одну минуточку...

Ротный, поджав губы, обвёл связиста удивлённым взглядом, который, однако, не успел превратиться в негодующий.

– Готово. – В протянутой руке связиста была зажата телефонная трубка.

Кровлев в числе прочих ополченцев изготовился неподалёку к атаке. Им было приказано атаковать третьей волной. Первая волна полегла почти полностью час назад. До хутора ополченцы из неё не дошли метров двести, скошенные пулемётным огнём из приземистой каменной постройки на окраине. Ослабив ремешок каски, рядом громко и часто дышал, раздувая ноздри, одутловатый дядька лет пятидесяти. Вместе с Кровлевым и остальными он напряжённо всматривался в затянутую пороховым дымом низину, сплошь усеянную неподвижно лежащими фигурами. Это были их товарищи, атаковавшие первыми. Сколько ни просил ротный накануне утром провести артподготовку или хотя бы хоть чем-то усилить атакующие пехотные цепи, поддержки им перед наступлением так и не оказали. Неудивительно, что первая атака на изготовившегося к обороне противника захлебнулась. Посланная ротным четверть часа назад в обход вражеской огневой точки вторая волна теперь всё-таки зацепилась за хуторскую окраину. Кровлев облизал сухие губы, глянул искоса на соседа. Тот размазывал по лицу пот вперемешку с грязью, впившись взглядом в поле боя перед ними.

– Погоди-ка, – так и не взяв протянутую ему телефонную трубку, произнёс ротный, пристально вглядываясь в бежавшую к ним обратно пригибающуюся фигурку.

Осыпая со стенок песок, в окопчик заскочил запыхавшийся посыльный. Задыхаясь, быстро и сбивчиво что-то сообщил ротному.

– Ведут рукопашный бой? – хищно блеснув глазами, переспросил ротный.

Запыхавшийся посыльный, потирая рукой горло, усиленно закивал.

– Ага, комвзвода подкрепления очень просит...

– Примкнуть штыки! – Перекрывая на секунду шум боя, голос ротного прогремел на несколько десятков метров вокруг.

Передаваемая по цепи, команда понеслась в обе стороны. Залязгало железо. Кровлев успел расслышать, как ротный отдал приказание телефонисту:

– Сообщи в батальон, что хутор взят.

– Так не взят ещё, – опешил парень, тряхнул катушку с проводом за спиной и замер с телефонной трубкой в руке.

Повернув к нему перекошенное лицо, ротный громко проговорил, кривя губы в злой улыбке:

– Если русские дорвались до рукопашной – значит, дело сделано.

Телефонист принялся крутить ручку аппарата.

– Пошли, ребята! – прокричал ротный и первым шагнул за бруствер.

Дальше было страшно. С винтовками наперевес ополченцы третьей волны одним мощным рывком достигли хуторских окраин. Этот бой запечатлелся в памяти Фёдора Кровлева отдельными фрагментами. Крики, матерная ругань, топот ног, удары прикладами, разлетающиеся в пыль сгустки крови и страшный хруст входящих в тела штыков. И истошный, животный вопль, следующий всякий раз за этим характерным, отвратительным хрустящим звуком. Несколько минут назад, орудуя винтовкой, Кровлев машинально, с каким-то отстранённым хладнокровием отмечал про себя, что штык французского «лебеля» подходит для рукопашной схватки ничуть не хуже русского от родной трёхлинейки. Чего, пожалуй, не скажешь о штыках английских, немецких и всех прочих. Уже на западной окраине хутора, который они проскочили на одном дыхании, он, утирая струившийся с лица пот, привалился спиной к плетню и с накатившей как-то вдруг и сразу отупляющей усталостью равнодушно смотрел на короткую улицу, единственную в этом населённом пункте. В двух шагах от него в пыли прямо на дороге лежал мёртвый ополченец – тот самый одутловатый дядька, что был рядом с Кровлевым на рубеже, с которого они все вместе начинали атаку. Каска откатилась далеко в сторону, а вытянутая рука продолжала сжимать канадскую винтовку. Ополченца настигла шальная пуля, которую выпустили те двое немцев, что всё-таки успели убежать вверх по косогору и скрыться за ним. Больше из неприятелей не ушёл никто. Немцев, как оказалось, было в хуторе не больше отделения, усиленного пулемётным расчётом. Ротный оказался более чем прав – в рукопашной схватке ополченцы буквально разорвали противников в клочья. Как только обойдённые с фланга немцы попытались сменить позицию и отступить из хутора, огневой бой ослаб, а затем и вовсе превратился в рукопашную схватку. В ней германцам не оставили ни малейших шансов. Их настигли на улице и с яростью, остервенело перекололи штыками и забили прикладами. Лишь немецкий пулемётчик на бегу, вполоборота успел дать короткую, сразу захлебнувшуюся очередь. Сейчас он лежал в пяти шагах от трёх скошенных его выстрелами ополченцев. Вместо лица у пулемётчика было кровавое месиво – по его голове, сбив каску, пришлось не менее десятка кованых затыльников ополченческих винтовок. Сейчас, стоя прямо над трупом, крепко сбитый спортивного телосложения парень с петлицами сержанта, убрав за голенище сапога длинный охотничий нож, деловито осматривал трофейный пулемёт. К нему с заинтересованным видом подтянулись ещё двое ополченцев.

– Ты и ты – пулемётный расчёт, – проходя мимо, на ходу ткнул в них пальцем ротный. – Набирайте патроны и бегом с матчастью ко мне.

– Есть!

Ещё с полдюжины фигур в мышастых мундирах валялись в разных позах на дороге и по канавам. Повис на плетне немецкий унтер-офицер с угловым шевроном на рукаве. Бросив тут же «лебель», обломанный штык которого застрял в спине унтера, рассеявшийся на обочине ополченец деловито щёлкал трофейной «эмпэхой». Поднялся, стащил с мёртвого противника

ремень с длинными продолговатыми брезентовыми подсумками, нацепил их себе и с довольным видом водрузил автомат на грудь.

– Всё трофейное оружие и боеприпасы собрать! – Это опять возник на улице ротный, зычно покрикивая по сторонам.

Подсумки, снаряжение и несколько маузеровских винтовок перекочевали от мёртвых противников к ополченцам.

– Комбат едет, – накрутив провод обратно на катушку, произнёс рядом с Кровлевым телефонист.

По улице, вихляя, неловко продвигался на велосипеде командир батальона. За ним трусцой семенил ординарец. Полевая сумка колотила того на бегу сзади ниже пояса. Выйдя на дорогу, ротный демонстративно щёлкнул каблуками и образцово взял под козырёк. Комбат неловко соскочил с велосипеда, перекинул двухколёсного коня ординарцу и брезгливо обошёл валявшийся в пыли труп немца со вспоротым животом.

– Ну и бойню вы тут устроили, – передёрнул плечами комбат, искоса глянув по сторонам, и, утапливая ногу в пыль, принялся оттирать от крови носок одного сапога о голенище другого.

– А я их сюда в гости не приглашал, – осклабился ротный, не поворачивая головы, затылком указав на мёртвых немцев у себя за спиной.

– Понятно, понятно, – покивал комбат и проговорил негромко: – Отойдём-ка...

До сидевшего под плетнём Кровлева донеслись обрывки тихого разговора командиров.

– Нет, – говорил комбат ротному, отрицательно качая головой, – ничего я тебе дать не могу. Ни усиления, ни даже патронов. Нету у меня ничего...

– Они сейчас очухаются и накроют нас артиллерией вон из-за того косогора, – показывал рукой ротный в ту сторону, куда сбежали уцелевшие немцы.

– Вероятнее всего...

– Тогда надо отступить.

– Отступать нельзя, – комбат взялся за велосипед. – Закрепляйтесь тут.

– Хутор в низине. Здесь классическое место для огневого мешка, – сквозь зубы процедил ротный.

Кровлев невольно оглядел ближайшие косогоры. Профессиональный опыт артиллериста безошибочно подсказал ему, что ротный прав на двести процентов. На месте немцев он именно так бы и сделал – накрыл ворвавшихся в хутор ополченцев с близлежащих высот огнём артиллерии и миномётов.

– Понятно, понятно, – уже вновь сидя в седле, покивал в своей манере комбат. И подытожил: – Занимайте оборону в хуторе.

Абсурдность этого приказа, кажется, была понятна ему самому. Отведя глаза, напомнил ещё раз:

– Отступать нельзя.

И уехал. Следом за его велосипедом привычной трусцой припустил ординарец. Ротный несколько секунд задумчиво смотрел, как полевая сумка снова ритмично стучит удаляющемуся ординарцу ниже пояса. Затем поскрёб подбородок и, глядя куда-то словно сквозь переминавшегося рядом с ноги на ногу телефониста, пробормотал себе под нос:

– Раз нельзя отступать, попробуем наступать.

И уже громко:

– Командиров взводов ко мне!

Через полчаса они попытались взять косогор к западу от хутора. Когда рота цепями карабкалась на пригорок, по хутору у них за спиной ударила немецкая артиллерия. От домов полетели щепки, вскоре позади возник пожар. Но ополченцев там к этому моменту уже не было. Кровлев видел, как ротный, оглянувшись назад на пылающий хутор, покачал головой и, нахлобучив фуражку поглубже, пристегнул подбородочный ремешок...

Патронов у них хватило лишь на то, чтобы заставить маячившее наверху немецкое боевое охранение убраться за гребень косогора. Прерывистой скороговоркой, расстреливая последние разнокалиберные боеприпасы, забахали экзотические винтовки атакующих. Но, видимо, самое весомое слово, неприятно поразив противника, сказал трофейный пулемёт ополченцев, минут пять бодро поливавший гребень длинными очередями.

С криками «даё-о-шь!» отчаянно попытался с ходу подняться до самого верха первый взвод, но вынужден был залечь на скате под плотным ответным огнём. На этом успехи ополченцев и закончились.

– Патроны на исходе! – долетела до ротного передаваемая с обоих флангов по цепям информация.

Тот в ответ лишь кивнул, продолжая напряжённо всматриваться в окружающие их с трёх сторон холмы. Вскоре винтовки ополченцев смолкли совсем. И только лишь пулемёт продолжал огрызаться теперь уже совсем короткими, с большими паузами очередями. Выработавшимся за время участия во многих прошлых боях чутьём, которое вернулось к нему сейчас в полной мере само собой, Кровлев распознал, что дело плохо – сейчас артиллерийский удар придётся по их распластавшимся на склоне цепям. Так и случилось. Расстреляв хутор, немецкие орудия перенесли огонь на покинувшую его советскую пехоту. Сначала до них долетали только осколки от рвавшихся чуть ниже, за их спинами снарядов. Возникла робкая надежда, что для расположенной прямо перед ними за возвышенностью немецкой батареи они всё-таки окажутся в мёртвой зоне. Но когда из-за холмов слева и справа ударили миномёты, начался настоящий ад. Прижатые огнём к самой земле цепи потонули в сплошной пелене разрывов. Смешались крики, ругань, вопли и стоны раненых. Большинство ополченцев прикинули к самой земле, царапая её ногтями, немногие попытались окапываться, а кто-то побежал назад к хутору, тотчас попадая под артиллерийский огонь. Оставшихся на месте продолжали крошить и утюжить миномёты. Вцепившись в каску на голове двумя руками, Кровлев с трудом оторвал голову от сухого дёрна. Попробовал оглядеться. Метрах в двадцати от него двое ополченцев пытались заставить вновь стрелять пулемёт, из которого торчала снаряженная патронами недожжёванная лента. Но управляться с трофеем они, видимо, не умели, а так ловко стрелявший из него крепкий сержант распластался рядом мёртвым, широко раскинув руки по сторонам. Мина ударила поблизости, подбросив тело сержанта, который, казалось, ещё раз взмахнул руками. Один ополченец повалился на землю, а второй, бросив пулемёт, прихрамывая, побежал обратно в сторону хутора. Через несколько секунд на месте бегущего человека молниеносно возник и тут же погас короткий огненный всполох. Когда дым рассеялся, на склоне не было ничего, кроме чёрной воронки.

– Всё, нам конец, – отчётливо произнёс кто-то рядом с Кровлевым.

Будто подхлестнутый этими словами, Фёдор отчаянно заработал локтями, интуитивно перемещаясь вперёд к гребню, который был перед ними. Очередной то ли визг, то ли вой, всполох огня – и вот уже вокруг отчаянно хрипят раненые, и сверху, как в замедленном кино, даже не падают, а будто парят, плавно снижаясь, огромные комья земли и дёрна. Однако песком Кровлева сверху осыпало весьма ощутимо. Машинально он быстро ощупал голову, плечи, туловище – вроде цел. Рука нашарила в нагрудном кармане гимнастёрки маленькую пластмассовую табакерку – её подарил брат жены, когда приезжал к ним в Ленинград год назад. Табакерка идеально подошла, чтобы положить в неё награду с прошлой Великой войны – Георгиевский крест, с которым у Кровлева была связана давняя особая история. Хоть такие награды последние четверть века и были здесь не в чести, он бережно хранил крест дома всё это время. Уходя на войну, взял его с собой, руководствуясь даже самому себе не до конца понятными мотивами. Просто было ощущение – так надо. Сейчас ему отчего-то вспомнилось, что на кресте изображён Георгий Победоносец...

Он снова поднял голову и неожиданно уткнулся в знакомый чёрный артиллерийский ранец. Тот самый, ещё царский. Весь низ ранца был пропитан бурыми пятнами. Рядом лежал на животе парень в пиджаке и кепке. Помнится, он ещё предлагал Кровлеву сменять сапоги. Теперь парень, кусая сжатые кулаки, трясся всем телом крупной дрожью. Лицо его было блее полотна, а из глаз потоком лились от боли слёзы. Кровлев перевёл взгляд на его спину – она вся была исполосована осколками. Под разорванными в клочья лоскутами одежды на спине что-то билось и пульсировало, толчками выбивая наружу чёрные фонтанчики крови. Прежде чем Фёдор успел машинально протянуть руку к карману брюк и нащупать там индивидуальный пакет, парень умер. По лицу его так и продолжали крупными ручьями течь слёзы. Кровлев оттолкнул ранец в сторону и пополз дальше. Снова вой, грохот и несколько секунд тишины. Фёдор сполз в неглубокую воронку. Молодой ополченец, сжимая в руках медный крестик на поношенной тесёмке, отчётливо произносил в голос:

«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога небесного водворится...»

«Речет Господеви: Заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него...» – проползая вперёд, принялся повторять следом за ним Кровлев слова с юности выученного девяностого псалма, обычно читаемого в опасности...

Каким-то чудом он оказался в самой передовой цепи. Пригибаясь и иногда карабкаясь на четвереньках, по цепи пробирался ротный. Он что-то кричал залёгшим ополченцам, тормозил их, указывая рукой в сторону ближайшего холма. Очумевшие и оглушённые, ополченцы только закрывали головы руками. Минут через пять Кровлев с десятком товарищей ползком продвинулись ещё немного вперёд к гребню перед ними. Здесь же оказался и ротный. Снял фуражку, посмотрел на перебитый осколком ремешок, вытер ладонью окровавленный подбородок и снова глубоко нахлобучил фуражку на голову.

– Единственный шанс – только вперёд! – сквозь грохот услышал Кровлев слова командира.

– Пропадём! – испуганно обронил кто-то.

– А вариантов нет – здесь по-любому пропадём, – ротный обвёл их взглядом.

Добавил решительно:

– Приказываю прорваться наверх и выйти из-под огня.

Десяток пар глаз смотрели на командира с отчаянием и надеждой одновременно.

– Пошли, ребята! – выдохнул ротный.

Он поднялся в рост первым. С винтовками наперевес встали остальные. Кровлев видел, как откинуло назад телефониста, неловко грохнувшегося спиной прямо на свою катушку. Ещё через двадцать метров, когда они выскочили на гребень, пуля попала ротному прямо в лоб. Откатилась в сторону по траве потрёпанная фуражка. Перескочив через неё, они пробежали дальше. В руках Фёдора дёрнулся, хрустнул и заскрежетал от попавших в него осколков «лебеля». Но они – несколько оказавшихся наверху из целой только что полёгшей роты – уже устремились к небольшому оврагу впереди. За ним маячили заросли высокого кустарника.

– К лесу, братцы, к лесу! – задыхаясь, кричал кто-то рядом на бегу.

Вой, визг, разрыв за спиной.

– Бра-а-атцы!!! – Отчаянный крик сзади уже у самой земли и корчащаяся на дёрне фигура.

– Быстрее, быстрее!!! – лихорадочно повторял кто-то, дышащий прямо в спину и наступавший на самые пятки.

К лесу Кровлев выбрался почему-то один. Хотя отчётливо помнил, что по оврагу их пробиралось несколько, как минимум трое. Остановился, перевёл дыхание. Никого. Обстрел остался сзади и чуть справа. Он уже затихал. В конце оврага наткнулся на мёртвого красноармейца в полном снаряжении и стальном шлеме образца тридцать шестого года. Похоже, из кадровых. Судя по запаху разложения, красноармеец лежал здесь на жаре уже не первый день.

Кровлев осмотрел свой разбитый «лебел» с расщеплённым прикладом. Винтовку оставалось только выбросить. Что он и сделал тут же. Вытащил из-под убитого трёхлинейный карабин, убедился в его исправности. Снял с мертвеца набитые патронами подсумки, навесил их на свой ремень. Прислушался. Огляделся. Закинул карабин за плечо и принялся осторожно пробираться обратно на восток.

Глава 5

Телефонный звонок разбудил Златкова поздно вечером. Из института он пришёл часов в девять – весь день принимал экзамены у студентов. Уставший и не очень довольный своими подопечными, Алексей решил прилечь на полчаса до ужина, да так и провалился неожиданно в глубокий сон.

– Слушаю, – глухо пробормотал Златков в трубку, успев, перед тем как нажать кнопку ответа, уронить телефон на пол и снова взять его в руки.

Кот бесшумно отошёл на середину комнаты. В его изумрудных глазах читалось сочувствие к потревоженному чьим-то звонком хозяину.

– Стало быть, советую приехать, – без всяких приветствий прозвучал в трубке хриплый и, похоже, не вполне трезвый голос. – И советую побыстрее.

– Кто говорит?

– Так это, Гена...

– Какой Гена? – ничего не понял Златков.

– Крокодил! – загремела трубка. – Мультик такой смотрел?

– Простите, что? – тупо переспросил Алексей.

– Слушай, кто вообще бухает – я или ты? – В голосе говорившего прозвучала даже как будто лёгкая обида вперемешку с завистью. – Давай уже втыкайся. В общем, так: комнату освобождают – соседи уже себе её хапнули. Все вещи Галины Фёдоровны выкидывают на помойку. Мешки стоят в коридоре. Там же и бумаги, фотографии какие-то были. Если тебе что-то нужно – приезжай.

Сообразив наконец, кто звонит и о чём речь, Алексей одним рывком подскочил на диване:

– Придержи их. Я еду.

До метро он бежал бегом. Успел за десять минут до закрытия станции. Вышел на Фрунзенской и быстрым шагом направился по пустой в этот час набережной к уже известному ему дому на Обводном канале.

Обшарпанную дверь коммуналки открыл Гена. Высунувшись на секунду в коридор, тут же спряталась обратно в своей комнате женщина в халате. Провернулся ключ в её замке.

– Вынесли. Всё подчистую, – развёл руками Гена. – Просил обождать – ничего не слушают. Всё по барабану. Только что последний мешок на помойку уволокли.

– Куда?

– Щас куртку накину, покажу.

Гена зашлёпал по коридору в глубь квартиры. Алексей вышел обождать его на лестничную клетку. Опёрся руками о перила с наполовину выломанными прутьями. По лестнице поднимался здоровенный мужик в спортивном костюме и резиновых шлёпанцах. Златков окинул его равнодушным взглядом и отвернулся в другую сторону.

– Опять ты?! – внезапно подскочил мужик к не ожидавшему никакого подвоха Алексею и схватил того ручищами за грудки, разворачивая к себе и сильно встряхивая. Златкова впечатали в стену так, что у него клацнули зубы. Затрещал пиджак, посыпались на пол оторванные пуговицы.

– Опять за комнатой пришёл?! – ревел мужчина, прижимая Алексея к стене. – Тебе же сказали, не лезь сюда! Убью за жилплощадь. Ты не понял?!

«Мишаня», – вспомнил Златков имя сына соседки, бесновавшейся прошлый раз по поводу комнаты. Как говорится, яблочко от вишенки недалеко падает...

Когда его попытались встряхнуть третий раз, Алексей рывком в перекошенную злобой физиономию перед ним:

– Убрал руки!

Мишаня на секунду опешил и ослабил хватку. Рефлексы из времён, когда они пацанами дрались во дворах, сработали сами собой. Златков растопыренной ладонью снизу сильно надавил противнику на подбородок и нос, запрокидывая ему голову назад. Тот хоть и был значительно выше ростом, начал заваливаться, теряя равновесие. Резким движением всем телом Алексей окончательно высвободился от захвата и переместился в сторону так, что входная дверь в квартиру оказалась у него за спиной.

– Ах ты, сука... – прогудел Мишаня.

Алексей едва успел увернуться – летевший ему в голову кулак с грохотом вошёл в деревянную створку.

– А-а-а! – заревел бугай. – Убью!

Ещё пару раз Алексей успешно уворачивался от свистевших над его головой кулаков. В промежутках между Мишаниными замахами пытался тому хоть что-то втолковать.

– Не нужна мне комната... Я совсем по другому делу... Вовсе не к вам...

Первый удар, который он всё-таки пропустил, пришёлся Златкову вскользь по зубам. Кровь закапала на вытертые каменные ступени.

– Да угомонись ты, дурья башка! – в сердцах прокричал Алексей.

– У-у-у... А-а-а, – сквозь яростное сопение только и несло в ответ.

От второго пропущенного удара полетели искры из глаз. На выкинутый в ответ прямо кулак Златкова противник налетел носом практически сам. Отвратительно хлопнуло и чавкнуло – Мишаня закрыл ладонями лицо. Алексей сбежал на несколько ступеней вниз. Продолжать драку совершенно не хотелось. Проговорил, обернувшись:

– Что же у вас одно барахло-то на уме.

Размазывая по лицу сопли и кровь, Мишаня утёрся и снова начал надвигаться на Алексея. Из-за его спины вынырнул Гена. Моментально оценив обстановку, подскочил к Златкову, увлекая его по лестнице вниз:

– Валим!

– Убью, сука! Только появись ещё здесь! – гремело сверху, когда они выскакивали из подъезда на улицу.

В подворотне Гена, порывшись в кармане тренировочных, протянул Алексею измятый и весьма несвежий носовой платок:

– Утрись.

Алексей стёр кровь с губы, заправил в брюки выбившуюся из-под ремня рубашку, отряхнул и одёрнул пиджак. Потрогал начинавший заплывать глаз.

– Спасибо, – протянул платок обратно.

– Это... – смутился Гена. – В общем, извини.

– Да ты-то здесь при чём...

Через два двора они остановились у мусорного контейнера.

– Вот тут всё.

Шмыгнув носом, Гена добавил:

– Были ещё, как их, на лошади ездить... Шпоры! Мне их Галина Фёдоровна подарила. Я пацаном тогда был. Но я их на Уделке прошлой осенью продал. На бутылку не хватало. Каюсь...

– Спасибо тебе, – ещё раз поблагодарил Златков.

Оставшийся один на один с контейнером Алексей закатал рукава и, откинув крышку, при неровном свете фонаря, подвешенного на протянутую поперёк двора-колодца проволоку, заглянул внутрь. Видно было плохо: уличный электрический свет мерцал на высоте метров пяти где-то за спиной. Сунул руку внутрь и тут же влип во что-то клейкое и противное. Вытащил руку, стряхнул с неё остатки какой-то выброшенной еды. Недовольно пискнув, из контей-

нера наружу выбралась большая серая крыса с длинным хвостом и скачками наискось через двор устремилась к ближайшему подвальному окну.

– Тьфу ты, зараза, – выругался Златков.

Крыс он терпеть не мог с детства. Постоял несколько секунд и, стиснув зубы, залез внутрь контейнера почти по пояс. В вонючем полумраке сначала почти ничего не было видно. Затем глаза чуть привыкли к темноте. Златков нашарил в кармане коробок, чиркнул спичкой. Тусклый огонёк на несколько секунд высветил осклизлые стенки и мусор на дне. Похоже, ему повезло – мусора было совсем немного. Десяток явно совсем недавно принесённых чёрных мешков лежали на самом верху. По-видимому, на них только раз успел ещё кто-то выкинуть пищевые отходы. Ощупывая, он принялся ворошить пакеты, откидывая тут же в сторону набитые всяким тряпьем. Периодически подсвечивая себе, извёл полкоробка спичек. Выбрался наружу, отдышался. Чуть переведя дух, опять полез внутрь. Мешок с бумагами отыскался где-то в середине. Снова выбравшись с ним наружу, при свете со скрипом качающегося уличного фонаря Алексей принялся бегло осматривать содержимое. Какие-то квитанции, корешки оплаченных коммунальных счетов, медицинская карточка из поликлиники... Ага, похоже, письма и какие-то фотографии. Видно было совсем плохо. Но это было явно из той категории, что он искал. Бог его знает, будет в этих бумагах какая-то полезная информация или нет. Надо будет разбираться с этим подробно в другом месте. Златков собрал всё обратно в пакет и положил его снаружи рядом с контейнером. Ещё раз слазил внутрь, повторно пересмотрел все пакеты – убедиться, что не пропустил ничего подобного. Вроде бы нет – в контейнере осталось одно тряпье. Перекладывая очередной пакет, вытащил за ручку старую эмалированную кружку. Откинул её тут же внутри контейнера в сторону. Кажется, действительно всё. Последний раз зажёг спичку, оглядел все углы. Да, всё. Потухающее пламя на секунду выхватило боковину кружки – на белом фоне было изображено здание Адмиралтейства с корабликом на шпигеле и растянута надписью под ним – «Ленинград». С кружкой в руках Златков выпрыгнул из контейнера на асфальт. Разглядел находку повнимательнее – ну точно, она была как две капли воды похожа на кружку, которую они с Рязанцевым подняли рядом с погибшим бойцом. Алексей положил кружку в мешок. Надо было приводить себя в порядок и думать, как добираться до дома.

Сноп света от фар въехавшей машины пробежал по двору и упёрся в застывшего перед контейнером Златкова. Ослеплённый в первый момент, Алексей щурился и прикрывал глаза тыльной стороной ладони. Хлопнула дверца – Златков сумел разглядеть на ней синюю полосу.

«Вот некстати», – пронеслось в голове. Хотя он и не делал ничего дурного, встреча с полицией в такое время и в таком виде по определению сулила мало хорошего.

«Мишаня вызвал? – быстро прикидывал Златков. – За разбитый нос покататься? А, кто ж его теперь знает...» Больше всего он забеспокоился не о себе, а о том, что не сможет изучить добытые материалы...

– И что мы тут делаем? – окончательно ослепляя Златкова, упёрся ему в лицо луч мощного фонаря.

Алексей разглядел лейтенантские погоны на плечах возникшего перед ним стража порядка. Фонарь мазнул лучом света по нему с головы до пят и снова, слепя, упёрся в лицо.

– Вид не самый свежий, – лейтенант оглядел стоявшего перед ним человека в измятом костюме с задранными до локтя рукавами, рубашке без галстука и, чуть наклонившись в его сторону, принялся. – Вроде трезвый. Чем, спрашиваю, занимаемся тут, гражданин?

– Доброй ночи, – отозвался Златков как можно спокойнее. Кивнул на мешок рядом с контейнером. – По ошибке бумаги нужные вместе с мусором выбросили. Доставал вот.

Лейтенант сделал шаг назад. Из машины вышел второй полицейский с погонами сержанта. Фонарь переключался к нему. Сержант обошёл контейнер, заглянул в него, долго светил внутрь. Придвинулся к Златкову:

– Отойди-ка.

Алексей сделал несколько шагов в сторону. Стоя чуть в отдалении, лейтенант поглядывал то на него, то на своего подчинённого, который, наклонившись и подсвечивая себе одной рукой, другой быстро перебрал содержимое выуженного Златковым из мусора пакета. Поднялся, кивнул лейтенанту и встал у Алексея за спиной.

– Документы, – затребовал лейтенант.

Златков сунул руку во внутренний карман пиджака. К счастью, паспорт был с собой. Он вытащил его наружу и замер, переводя вопросительный взгляд от лейтенанта на сержанта с фонарём.

За паспортом протянул руку сержант. Отойдя, долго светил и листал страницы.

– Прописка питерская, но в другом районе, – обращаясь к лейтенанту, сообщил сержант, передавая тому паспорт Златкова.

– Ещё документы есть? – не открывая переданного ему паспорта, поинтересовался лейтенант.

Алексей пошарил по карманам. Нашлось ещё институтское удостоверение с работы. Протянул его лейтенанту. Сержант продолжал светить.

– Ага, – в голосе лейтенанта, изучившего второй документ, прозвучали уважительные нотки:

– Ну а почему мусор не по месту жительства выбрасываете, Алексей Владимирович?

– Знакомый тут должен был бумаги передать, да выбросили их по ошибке.

По молчанию в ответ Алексей понял, что от него явно ждут ещё дополнительных объяснений.

«Называть адрес квартиры – не называть? Там этот баран Мишаня... Ничего – в самом худшем случае ответу за его нос. Хотя явно никаких ментов он не вызывал – у самого рыло в пуху. Да и разговаривали со мной уже давно бы по-другому, – быстро крутилось в голове у Златкова. Основной задачей было сохранить находки. – Похоже, просто случайно они сюда заехали. Видок у меня, конечно, надо полагать... Ладно, если что – прогуляемся до квартиры, побеспокоим ещё раз Гену...»

– Знакомый через два двора живёт. Могу показать, – как можно более невозмутимо вслух продолжил Алексей. – Поздно, конечно, но если надо – пойдёмте, он подтвердит.

– А с лицом-то что, Алексей Владимирович? – вкрадчиво поинтересовался лейтенант.

Златков чуть повёл бровью, понимая, что глаз заплыл основательно.

– Темно, ударился.

Сержант громко хмыкнул.

– Будьте осторожней, – чуть улыбнулся уголком рта лейтенант. Начал протягивать документы обратно Златкову, но вдруг убрал руку назад: – Секундочку. Где знакомый живёт?

Златков назвал.

– Сержант, посвети.

Все данные Златкова и его документов лейтенант переписал к себе в блокнот. После этого документы вернулись к владельцу.

– Доброй ночи.

Хлопнули дверцы машины. Задним ходом автомобиль быстро покинул двор, прочертив напоследок фарами по серым стенам домов. Алексей выдохнул и, подхватив пакет, направился через подворотню в сторону набережной. На ходу пошарил по карманам – кроме дежурной мелочи на давно закрытое метро, денег не было. Играть с ночными таксистами в игру «довежите – деньги принесу из дома» представлялось затеей сомнительной. Идти до дома пешком несколько часов. В такое время и в таком виде... Нет, пожалуй, на сегодня приключений достаточно. Златков достал мобильный и, чтобы не будить близких друга среди ночи, отправил ему сообщение с просьбой перезвонить. Если не спит – ответит.

Через полчаса серая «Нива» остановилась у названного Алексеем ближайшего дома на Обводном канале. Распахнулась дверца:

– Залезай. – Рязанцев оглядел друга с ног до головы и покачал головой. – Ты великолепен. Рожу свою видел?

Златков закинул пакет на заднее сиденье, плюхнулся в машину и с грохотом захлопнул дверь.

– Японский городской... – вырвалось у Алексея, когда он глянул на себя в салонное зеркальце заднего вида.

– Как тебя только не забрали?

– Сам удивляюсь.

«Нива» вырулила на пустынный в этот час Московский проспект.

– Рассказывай, – не отрываясь от дороги, Олег протянул Златкову пакет с влажными салфетками.

– Ты помнишь, какая самая ценная находка для историка? – вытирая руки салфетками, с усмешкой проговорил Алексей.

– Помойка, конечно, – безошибочно отозвался Олег.

– Верно – пять баллов...

Они добрались до Витебского и свернули в гаражи к Олегу. По дороге Златков подробно изложил ему свою сегодняшнюю эпопею. Припарковав машину в проезде, Рязанцев отворил дверь в гараж и, войдя внутрь, включил свет:

– Сам-то сейчас как?

– Нормально.

– Тогда пошли посмотреть, что ты там откопал.

Как и несколько дней назад, они просидели в гараже за изучением добытых материалов до самого рассвета. Несмотря на профессиональный навык, в этот раз Златкову было неловко от того, что приходится разбирать бумаги человека, который умер совсем недавно. Досадно – они не успели совсем чуть-чуть, чтобы поговорить с Галиной Фёдоровной. Алексей отчего-то был уверен, что она сама показала бы и рассказала им всё, что было связано с историей её семьи. И уж явно никто не захотел бы, чтобы всё самое дорогое, сберегаемое долгие годы, в одночасье оказалось на помойке. Ни при жизни, ни после смерти. Этим он себя и успокаивал.

– Люди живы, пока о них помнят, – будто прочитав мысли друга и угадав его настрой, проговорил Рязанцев и осторожно начал вынимать содержимое пакета на стол. – Смотри на всё это именно так.

Алексей кивнул и принялся за разбор бумаг. Аккуратно разложенные под скрепки корешки квитанций, медицинские документы и справки, разнообразные свидетельства, грамоты, корочки давно просроченных удостоверений, какие-то рецепты. Много групповых школьных фотографий. В основном ещё чёрно-белых. Несколько писем и масса открыток – судя по содержанию, от бывших учеников. К сожалению, на довоенную и военную историю семьи Кровлевых света они ничуть не проливали. Конечно, в случае крайней необходимости можно будет попытаться связаться с этими людьми – кто знает, вдруг потянув за какую-то случайную ниточку, удастся распутать переплетённый клубок чужих судеб. Практика показывала – бывало и такое. Но, похоже, связываться особой необходимости не было. Три вещи – два документа и одна фотография – безусловно, являлись самым ценным и информативным из всего найденного.

– Поразительно, – проговорил Златков, – такое впечатление, что он нам помогает на каждом шагу.

– Удивительный случай, – согласно кивнул Олег, сразу поняв, кого имеет в виду Златков. – А вообще-то, как говорится, дорогу осилит идущий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.